

Сиротки
Сиротки. Отцеубийцы

Мария
Вой

ИРОТКИ
ОТЦЕУБИЦЫ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В65

Иллюстрации в тексте, на форзацах
и на обложке *Марии Вой*

Дизайн обложки *Александра Андреева*

Издание подготовлено при участии бюро
«Литагенты существуют»

Вой, Мария.

В65 Сиротки. Отцеубийцы / Мария Вой. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. ил.

ISBN 978-5-04-168838-7

Шарка выбрала свою сторону: теперь последний в мире кьенгар сражается на стороне Сироток. Их гетман Ян Хроуст не знает поражений, усталости и сомнений и готов предать огню и мечу все, что у него есть, ради своей мести.

Королевство все глубже погружается в пекло братоубийственной войны. Но этого ли хотел Свортек, когда передавал Дар деревенской простолюдинке, или у него был собственный план? И готовы ли Истинный Король, Принц Сироток и первая ученица кьенгара играть по правилам своих «отцов»?

Шарке предстоит разобраться, кто друг, а кто враг, и снова встать на защиту обездоленных и потерянных, как она сама. Потому что в войне не бывает победителей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вой М., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-168838-7

Продолжение истории Сироток вышло динамичным, мрачным, атмосферным. Больше поворотов, больше Свортека, больше деталей, больше правды о созданном мире и больше символов: любые войны заканчиваются, вопрос только в том — как.

Полина Парс,
Youtube-канал «Читалочка»

«Сиротки. Отцеубийцы» — это концентрация ненависти к войне. Беспощадной, безжалостной и бесполезной. Через судьбы столь хрупких созданий, как герои истории, автор смогла показать все те ужасы, которые несет человеческая вражда. История противостояния Сироток и армии Короля закончится здесь и навсегда. И это будет страшно.

Помойный Енот
@raccoon_demigod

I ВОРЫ

Крепость Козий Град раскинулась на небольшом плоском холме. Войско Хроуста расположилось на достаточном расстоянии, чтобы стрелы арбалетчиков с крепостных стен его не достали. Гетман восседал на коне, окруженный Сиротками во всеоружии, и хмуро подсчитывал блестящие на солнце шлемы между бойницами.

Латерфольт заверял, что крепость — легкая добыча: низкие стены, всего одни внешние ворота, никакого рва. В те годы, когда Сиротки еще не были Сиротками, Хроуст играючи брал такие за пару дней. Зато награда за этот бой была велика: через Козий Град в столицу возили порох. Чтобы Хроуст до него добрался, Шарке требовалось сделать всего ничего: разбить первые и вторые ворота. Сиротки проникнут в крепость, а там дело за малым. Больше гетман у нее ничего не попросит — он обещал.

Шарка, окруженная целой тучей воинов, изо всех сил пыталась унять дрожь. Она вспоминала свою первую битву, когда порвала насильника Пригожу на мелкие кусочки, затем бойню на площади в Тхоршице. Грифоний герцог сказал, что Шарка тогда от-

правила на тот свет сто человек за считанные минуты... Наконец был и тот день, когда она уничтожила за пару мгновений отряд головорезов, а затем хладнокровно закопала их трупы на поляне в лесу. Но все это казалось далеким, словно из другой жизни. Тавор, обожание Сироток, любовь Латерфольта — все это заставило ее забыть, какое чудовище она прячет внутри и как легко, забывшись, его выпустить.

Латерфольт — единственный, кто не носил доспеха, поскольку в бою полагался на свою ловкость и скорость, — подошел к ней и крепко прижал к себе. Шарка успела заметить, как все взгляды, в том числе Хроуста, обратились к ним.

— Не волнуйся. Я с тобой. Ты ведь помнишь план?

— Помню.

— Снесешь эти хлипкие ворота и вернешься обратно к Хроусту. Остальное сделаем мы.

— Латерф... а что, если я...

Шарка не смогла произнести вслух то, что ее беспокоило: вдруг Дар перестанет отзываться и что будет, если она не доберется до ворот? Еще она очень не хотела отпускать самого Латерфольта в авангарде с всадниками-хиннами, которые должны были отстреливаться от лучников на стенах, а затем проникнуть в крепость и продолжить бой там. Но Латерфольту достаточно было взглянуть на ее лицо, чтобы прочесть все это. Он приник лбом к ее лбу, несколько мгновений стоял молча и неподвижно, а затем произнес:

— Все будет хорошо.

Шарка кивнула. Егермейстер отстранился и подал ей шлем с крепким забралом, который девушка неловко натянула на голову.

— Ну что, парни, — раздался веселый бас Хроуста, — давненько мы не бывали в хорошей потасовке, а?

Сиротки разразились возбужденными криками.

— Представьте, что сейчас творится в головах у этих несчастных! — продолжил гетман. — Они-то думали, что мы все мертвы. Думали, что могут спокойно выдохнуть и обрасти жиром. И вот они видят нас! Просто представьте, каково сейчас их порткам!

Воины рассмеялись нарочито громко и зло. От войска смех разлился по всей равнине, добрался до стен и затих над крепостью.

Хроуст обернулся к Шарке:

— Готова, дочка?

Голова от шлема, шума и волнения была тяжелой, как пушечное ядро. Шарка испуганно и осторожно кивнула. Хроуст задержал на ней внимательный оценивающий взгляд, удовлетворенно хмыкнул и вскинул в воздух железный кулак с шипом:

— Здар, Бракадия!

— Здар, Ян Хроуст!

Латерфольт одним махом запрыгнул в седло, уже сжимая в левой руке короткий лук, и конь с бешеным ржанием понес его прямо к крепости. Шарка с замиранием сердца следила, как отдаляются зеленый плащ и черная грива. Затем остальные конные лучники присоединились к атаке, и егермейстер скрылся в поднятой ими пыли. «Латерф-Гессер!» — разлился над полем дикий вой хиннов; Шарка понятия не имела, что это означает, хотя слышала уже не раз из уст варваров в Таворе при появлении Латерфольта. Наверное, так у хиннов было заведено обращаться к своему темнику. «Не люблю поля. Леса мне милей», — пробормотал он утром, когда войско выстраивалось перед крепостью. А вдруг он чувствует что-то?

В пыли и песке Шарка видела лишь мечущиеся тени всадников. Происходящее казалось полной неразберихой: кони ржали, тетивы свистели, со стен сыпался град стрел. Шарка вцепилась в Берна — своего личного тело-

хранителя, закованного в латы с головы до ног, с огромным щитом, который он держал перед Шаркой даже сейчас, хотя они были далеко от поля боя.

— Их же всех перестреляют! — закричала Шарка, когда один из хиннов, пронзенный стрелой, свалился на землю из седла.

— Хинны — лучшие всадники в мире, — терпеливо возразил Берн. — Попробуй прицелься в такую подвижную мишень! К тому же они еще и отменные стрелки. Скорее, сами перестреляют всех на стенах прежде, чем мы вступим в бой...

— Баллисты! — взревел Хроуст.

Десяток огромных машин со скрипом и рычанием выехали вперед — и вместе со стрелами конников в стены полетели камни. Этот залп не дал защитникам крепости перезарядить арбалеты, и Козий Град на несколько мгновений замер, точно в ужасе.

— Шарка, Берн! — снова рыкнул Хроуст.

— Приготовьтесь, за следующим залпом выступаете вы! — проорал следом Кириш.

Назад дороги нет — и все же Шарка, которую усадили перед Берном, обмирала от страха, молясь лишь о том, чтобы не потерять сознание. Дрожащей рукой она опустила забрало. Стало темно и тесно: Хроуст прислушался к словам Морры и приказал изготовить такое забрало, какое не пропустило бы и самого мелкого осколка.

Шарка вцепилась в седло. Мокрые от пота ладони скользили по коже, ногами она зацепилась за голени воина, и конь понесся вперед, хрипя от натуги под тяжелой ношей, но разгоняясь все сильнее. Подпрыгивая в седле, Шарка слышала приглушенные вопли, стоны множества тетив, совсем близко — топот коней: отряд Латерфольта сгруппировался вокруг нее, без устали посылая в противника стрелы. Сзади гремели балли-

сты, впереди разбивались о стены камни, Берн тяжело дышал, и Шарке ничего не оставалось, как ждать. Наконец бешеная тряска закончилась, и Берн, спрыгнув первым с лошади, подхватил Шарку и опустил ее на землю. За своим забралом она не видела ничего, кроме ворот прямо впереди. Берн поднял над ней огромный щит, несколько тяжелых всадников тоже собирались вокруг со щитами. Шарка подняла дрожащие руки, не смея даже моргнуть, заставляя себя не обращать внимания на крики боли по сторонам.

Ворота. Ворота. Это все, о чем она должна сейчас думать...

Волна огня поднялась с пяток, прошла через все тело, мощно влилась в руки и сорвалась с ее ладоней прямо в окованные железом створки. Отдача толкнула ее на спину, и Шарка неловко завалилась, поддерживаемая Берном и остальными воинами. Стало очень горячо; казалось, сама земля под ногами горела, а воздух утонул в пыли и дыму. Она откинула забрало. Щепки, в которые превратились ворота, повисли на петлях, а за ними открылся коридор под стеной, ведущий к внутреннему двору и вторым воротам во второй стене.

— Здар, Шарка!

Волна торжествующих воплей оказалась даже мощнее той, что только что разнесла ворота Козьего Града. Снова затопали вокруг лошади: всадники собрались в клин и бросились внутрь, в крепость, чтобы расчистить Шарке путь ко вторым воротам. Берн подхватил ее и вновь усадил в седло. Баллисты дали новый залп, отвлекая защитников крепости, — а за первыми воротами уже шла резня. Отбросив луки, воины Латерфольта выхватили длинные изогнутые сабли и сражались верхом. Сам егермейстер мелькал впереди, неуловимый и яростный, как буря. Его лицо было залито кровью...

— Давай, Берн! — закричала Шарка. — Ну же!

От ужаса не осталось и следа.

Берн ударил коня по бокам, и они понеслись вперед под градом камней и стрел. Шарка забыла опустить забрало, и теперь ей открылась битва во всем ее безумии и уродстве: копыта, втоптывающие раненых в пыль, стрелы, кровь, сабельный звон, ржание лошадей, алебарды, арбалеты, цепи, запах гари от уничтоженных ворот, вонь от крови и навоза... И вдруг — неистовая, болезненная радость, от которой Шарке захотелось расхохотаться во всю грудь.

Берн вскрикнул и вывалился из седла, увлекая ее за собой на землю. Конь не сбавил скорости — напротив, без тяжелого воина, закованного в полный доспех, он рванул вперед еще яростнее. Шарка вцепилась в поводья, успев заметить стрелу, торчашую из забрала Берна.

— Дьявол! — зарычала она, чувствуя, как в теле закипает ярость, остановила коня и выпрыгнула из седла. До ворот еще оставалось локтей сто, но Шарка уже была не в силах совладать с рвущимся из ее рук Даром. Во тьме коридора вокруг зажглись глаза верных демонов. Каким-то образом она умудрялась контролировать и их тоже, притом что все ее внимание сосредоточилось на вторых воротах. Справа мелькнул зеленый плащ...

Вторые ворота пали так же легко, как и первые, словно были сделаны из соломы. На несколько мгновений повисла тишина. Затихли залпы баллист и звон металла, даже кони остановились, и лишь хрипели и стонали раненые. Шарка огляделась и увидела Латерфольта и его всадников с опущенным оружием.

— Мы победили? — спросила она. — Где враг?

Латерфольт сердито мотнул головой, словно легкая победа вызвала у него досаду. Хинны и егери, которых Латерфольт присоединил к кавалерии — Якуб, Тальда

и прочие, — собрались вокруг. Судя по знакомым лицам, Латерфольт умудрился не потерять никого из лесного братства.

— Разбежались, — неуверенно отозвался он. — Им конец. Они трусили. Крепость наша!

Пыль от разрушенных вторых ворот мало-помалу рассеивалась, и впереди проступила пустая площадь, освещенная тусклым солнцем.

— Где Хроуст? — спросила Шарка.

— Едет.

За первыми воротами на равнине бушевала буря из-под копыт всадников. Гетман ехал впереди, размахивая палицей и вопя во всю глотку. Со стен больше никто не отстреливался. Казалось, с тех пор, как пали ворота, крепость замерла и опустела.

Латерфольт схватил Шарку за руку:

— Ты сделала это, — вскричал он, — ты разнесла их в пыль! А теперь я отвезу тебя обратно.

— Я тебя не брошу. — Шарка вырвала руку. — Останусь с вами!

Латерфольт попытался снова схватить ее, но девушка отпрыгнула и побежала прямо в крепость в окружении своры псов из мрака. За спиной Латерфольта воинство Хроуста приближалось, гремя оружием, под торжествующие выкрики...

И тут просвет первых ворот с чудовищным рыком пересекли решетки.

Герса свалилась сверху — грубая, явно пристроенная наскоро и недавно. За деревянными укреплениями в пылу битвы ее никто не заметил. Теперь она глубоко вонзилась в землю под воротами, толстая, шипастая и неприступная.

Хроуст резко остановил своего коня. Задние ряды налетели друг на друга, всадники едва не падали из седел.

— Что это? — тупо спросила Шарка.

Латерфольт скривился, словно его пронзила сильная боль, — на мгновение она даже подумала, что его ранили:

— Полупустая крепость и хлипкие ворота... Они не просто так легко нас впустили... Это ловушка!

Шарка не успела ему ответить — обернувшись на шум за спиной, она увидела выстроившихся в ряд арбалетчиков за вторыми воротами. Болты лежали на тетивах, уставившись ей, Латерфольту и его всадникам прямо в лица.

То, как воины Хроуста споткнулись на полпути, когда наскоро изготовленная решетка перерезала им путь, выглядело почти комично. Те, кто сумел собраться быстрее прочих, отпрянули от ворот и завертели головами, ожидая команд от гетманов. Хроуст упрямо остановился у перекрытых ворот и закричал что-то оставшимся внутри хиннам и Шарке, а встревоженные приближенные тем временем описывали вокруг него круги с натянутыми луками, должно быть, уговаривая его отступить, пока на стены не вернулись арбалетчики.

Но те не собирались возвращаться. В действительности хинны гордо отстреливались от двадцати несчастных, которых поставили у бойниц лишь затем, чтобы Хроуст не заподозрил неладное. «Жаль. Растерянное войско было бы сейчас легкой добычей для стрел», — думал Рейнар, не без трепета следя за стариком на огромном коне. Даже на таком расстоянии невозможно было не узнать это суровое одноглазое лицо и прямой стан, который не согнули ни горести, ни годы. Не оставалось никакого сомнения, что это он.

«Ничего, старик. Даже Свортек оказался смертным, а уж ты...»

Рейнар обернулся к внутреннему двору между воротами. Маленькая ведьма в сияющем доспехе держала перед собой черный щит из мглы, в котором застревали стрелы. Шарке пока что удавалось сдерживать натиск, защищая не только себя, но и группу всадников-хиннов под предводительством... Да, все верно: этого вертлявого ублюдка Рейнар узнал бы из тысячи узкоглазых. Латер-фольт, как и Хроуст, восстал из мертвых.

— Но ненадолго, — пробормотал Рейнар себе под нос и спрыгнул с крыши башни на площадку, к Такешу. Грифон, взволнованный запахом огня и крови и давно не кормленный дурманом, царапал когтями камни. Рейнар распорядился, чтобы вместе с войском ему выслали грифонов доспех — тот самый, в котором он помог Свортеку разнести флот Аллурии. Теперь закованный в металл зверь был похож на крылатую железную машину. Ради этого пришлось пожертвовать вторым седлом, но Рейнар и не собирался никого с собой брать. Все его козыри уже были внизу, у ворот.

Мархедор, опустивший герсу, выбрался из своего укрытия над воротами и вопросительно посмотрел на Рейнара. Тот махнул ему в ответ. На площади перед внутренними воротами возникла за спинами арбалетчиков Дьорда — ей он тоже махнул, после чего взобрался в седло и с силой ударил Такеша по ребрам.

Оглушительный клекот грифона сотряс Козий Град, перекрыв все прочие звуки. Когда Такеш спрыгнул с башни и расправил крылья, в лицо Рейнару ударил горячий ветер. Внизу Хроуст поднял лицо к небу, взгляд его единственного глаза зацепился за грифоньего всадника, и в войске родилось еще большее смятение. «Кажется, они действительно не ожидали, что крепость может быть так хорошо подготовлена к их идиотской

вылазке, — подумал Рейнар. — Старый дурак! Ты даже не представляешь себе, *насколько* хорошо — пусть даже все в королевстве были уверены, что ты сгинул навсегда».

Демоны держались крепко, но время от времени даже их щит давал слабину. Мгла то опадала, то восставала вновь, когда Шарка посылала свирепых чудищ вперед на арбалетчиков. Держать одновременно защиту и атаковать было сложно: едва она сосредоточилась на натиске, как в то же мгновение пробившая тонкую завесу стрела просвистела прямо у ее уха.

Латерфольт выжидал, заняв оборонительную позицию. Он не отступал от Шарки ни на шаг, в то время как его воины безуспешно пытались пробиться сквозь непрекращающийся град стрел. Защитники крепости посылали залпы без передышки. Сиротки падали на землю один за другим.

— Латерф, я пойду вперед! — крикнула Шарка. — Только так я смогу до них добраться!

— Нет! Их там еще больше, это самоубийство!

— Но что еще мы можем?

Латерфольт пригнулся, уворачиваясь от арбалетного болта, и за его спиной раздался хрип. Якуб с торчащей из глаза стрелой, предназначавшейся егермейстеру, упал на землю, в агонии царапая лицо.

— Нет! — заорал Латерфольт и натянул лук с такой ненавистью, что тот едва не лопнул. — Вы ответите мне за это, сукины дети!

— Пойдем вперед! — снова закричала Шарка. — Только так мы сможем их отбросить...

Где же оно — то беспамятство, в котором она без страха и усталости разрывала в клочья целые отряды,

шла под стрелы, словно те были летней мошкаррой? Где ярость, от которой еще несколько минут назад хотелось рассмеяться во всю глотку? Сейчас она не чувствовала ничего, кроме ужаса при виде мертвого Якуба с обезображенным лицом и множества других убитых, лежащих под ее ногами в лужах мочи и крови. Никакого гнева, только боль и ужас, которые никак им не помогут...

Шарка растопырила в воздухе пальцы и решительно зашагала вперед, проталкивая Свору в коридор к разрушенным воротам. Демоны сбились в одно черное пятно, пестрящее алчными белыми глазами. Град стрел не прекратился, но она чувствовала кожей смятение, которое охватило арбалетчиков при виде надвигающегося монстра.

Она взглянула на Латерфольта: тот и последние пять десятков всадников послушно двинулись следом, продолжая посылать стрелы обратно в арбалетчиков. Прорвать этот ряд, прорваться к выходу из проклятого туннеля! До солдат крепости оставалось всего ничего: она уже отчетливо видела, как трясутся в их руках арбалеты...

Резкий рывок — и Шарка позволила демонам сорваться с невидимой цепи. Последние стрелы просвистели над головой, но солдатам Козьего Града было уже не до арбалетов: бесчисленные уродские пасти добрались до их шей. Чувствуя, как черные зубы утопают в крови, Шарка позволила себе выдохнуть и на мгновение опустить дрожащие от напряжения руки. Латерфольт остался с ней, пока остальные Сиротки бросились в атаку следом за демонами и высыпали на залитую солнцем площадь, размахивая саблями. Лошади заржали, послышались тяжелый грохот и крики боли — и поддерживаемая Латерфольтом Шарка выбежала за ними прямо по горе изуродованных тел.

На сей раз на площади их поджидали полчища копейщиков. Ряды острых пик целились в лошадей, отгоняя их обратно к воротам, а за копейщиками уже сгруппировались новые отряды арбалетчиков.

— Назад! — Латерфольт с силой потянул ее обратно к воротам.

— Они же все погибнут!

— Главное — это ты! Ты вообще не должна здесь быть!

Он снова рванул ее на себя, шипя от ярости, и она сдалась. Всадники сомкнули ряды за их спинами, прикрывая собственными телами от стрел. Среди них она увидела Фубара, которого Латерфольт тоже взял в свой отряд, подкупленный его боевыми навыками и умением держаться в седле. На лице мечника застыла странная счастливая улыбка, будто не было в его жизни дня лучше, чем этот...

Шарка обернулась: в пустом коридоре, разделявшем внешние и внутренние ворота, появился одинокий темный силуэт. Прежде чем она сумела рассмотреть в полумраке мертвенно-бледное лицо, по которому змеились ломаные полосы сосудов, сердце сжал ужас. Шарка ни за что не смогла бы объяснить, почему из всего пережитого именно этот невысокий человек в резном доспехе вызвал у нее такой приступ тошноты и страха, от которого

едва не подкосились ноги. Глаза незнакомца впились в нее, матовые, словно у утопленника, бесконечно усталые и равнодушные ко всему: и к этим трупам, устила-

шим пол, будто ковер, и к ужасу девчонки, и к ярости оберегавшего ее хинна...

Кьенгар поднял руку — и с земли взметнулся Дар.

Как зачарованная, Шарка смотрела на пыльно-серые струйки дыма, собирающиеся в неуклюжую толстую змею. Дар выглядел так, словно ее собственных демонов высушили на солнце, раскрошили в мелкий прах и пустили по ветру. Такого ей никогда видеть не доводилось, но отчего-то уродливая сила казалась знакомой.

Латерфольт снова потащил Шарку к воротам, выставив перед собой щит, оброненный кем-то из павших. Отчаяние исказило его испачканное в крови лицо: все пути отступления были отрезаны, и его всадники топтались на площади в ожидании верной смерти. Серый кьенгар неумолимо приближался вместе со своей змеей, и Шарка послала Свору в атаку. Псы разорвали змею в клочья, пока она слепо извивалась, словно не зная, что делать. Следом за ней появилась еще одна, и снова колья тьмы развеяли ее.

— Не так уж он силен! — крикнула Шарка Латерфольту и послала другую стаю демонов прямо на ряды копейщиков и арбалетчиков, собравшихся у другого конца площади.

Солдат крепости накрыла паника: те из них, кому удалось выйти живыми из коридора, при виде выползших из-под копыт теней побросали арбалеты и умчались в глубь Козьего Града. Оставшихся настигли клыки и когти, а всадники с торжествующим кличем бросились следом за теньями, воспользовавшись растерянностью врага.

Пока Шарка, раскинув руки, одновременно сдерживала змей кьенгара и атаковала солдат, а Латерфольт укрывал ее щитом от стрел и все пытался найти какую-то лазейку наружу, колдун приближался, и с каждым шагом его змеи становились сильнее. Должно быть, у него, как и у Шарки, магия на расстоянии не имела

полной мощи — вот почему он так аккуратно приближался, прячась за пыльными вихрями.

На стене тем временем показались лучники: это поднимались расправившиеся с копейщиками и арбалетчиками всадники-хинны и егеря. Никогда еще Шарке не доводилось видеть таких воинов, как они и Латерфольт: быстрые, неистовые, не знающие страха и усталости; каждый из них, наверное, стоил десятка людей короля... Тальда, эта прекрасная воительница, которую Шарка по глупости невзлюбила с самого начала, дралась не хуже любого мужчины. Длинный узкий меч летал в ее руках, легкий как перышко. Добравшись до края стены, Тальда закричала:

— Здесь все чисто, мы их смели! Идите сюда, по стене мы сможем...

Небо потемнело, и Тальду поглотила огромная туча, камнем упавшая вниз и разметающая егерей и хиннов когтистыми лапами. Уже не пыльный демон, а крылатый зверь в доспехе, живой, из плоти и крови, разобравшись с противником, издал победный вопль, запрокинув к небу зубастый клюв. А затем этот же клюв подхватил Тальду за одежду и швырнул вниз, под ноги Шарке и Латерфольту.

— Латерф! — взвизгнула Шарка, не опуская рук: со стороны крепости снова начали появляться солдаты, а змеи серого кьенгара становились все крепче — их отделили уже какие-то сорок локтей. — Помоги ей!

Тальда — переломанная, но еще живая — истошно кричала, пытаясь высвободить неестественно выгнувшиеся руки из-под туловища. Латерфольт замер, словно впервые с начала штурма им овладел ужас.

— Латерф!

— Я не могу, я должен защищать тебя!

— Но ведь она уми...

Змеи взвились прямо перед Шаркой, и ей стоило огромных трудов отогнать их, бросив всех демонов впе-

ред. Свора, как туча насекомых, облепила змею, и та рассыпалась, вернулась обратно к своему хозяину и заключила его в серый кокон, пока еще не пробиваемый для демонов.

— Давай! — Шарка пихнула Латерфольта. Тот, стряхнув оцепенение, бросился к несчастной Тальде.

Раздались грохот металла и злобное утробное рычание: грифон слетел со стены, а с его седла сошел всадник. Он осунулся, зарос и обзавелся бородой, но сомнения не было: герцог Рейнар, самый верный слуга короля, наконец вступил на поле боя. Его мрачный взгляд застыл на Шарке, оценивая, насколько она готова схватиться и с ним тоже.

Шарка злобно оскалилась. Из-за спины Рейнара поднялся еще один пыльный вихрь. Никакой формы у него не было, но он двигался увереннее и точнее, чем змеи первого кьенгара. Густой и плотный, словно принадлежавший более искусной руке, он принял форму огромной длани, которая прикрывала от демонов нового кьенгара. Тот осторожно наступал, как и первый. Невысокий, как сама Шарка, даже хрупкий, пусть и в том же шипастом черном доспехе.

— Сдавайтесь! — раздался голос герцога. — Вы проиграли!

— Ты, ублюдочная мразь! — взревел Латерфольт, не дойдя пары шагов до умирающей, хрипло стонущей Тальды.

Егермейстер резко присел на колени, выпрямился и выбросил в сторону Рейнара руку. Все движение заняло у него меньше секунды, и в воздухе блеснул на солнце метательный нож. Герцог резво отскочил в сторону, но грифон позади него оказался менее проворным: клинок рассек длинные маховые перья на конце крыла. Зверь оглушительно взвыл и припал на передние лапы, готовясь к прыжку.

— Нет, Такеш! — Герцог схватил грифона за поводья и с силой потянул на себя его голову. — Дьорда, Мархедор! Схватить ее!

Пыльная рука на мгновение рассыпалась в воздухе, и Шарка успела рассмотреть Дьорду — вторую обладательницу жуткого серого Дара. Это была совсем еще молодая девушка, немногим старше ее самой, но такая же обезображенная и мертвая, как Мархедор, с испещренным черными узорами лицом. Дьорда подобрала к груди руки, словно сгребая в охапку невидимый шар, и выбросила их вперед.

Шарка успела послать навстречу вихрю нескольких демонов — все происходило так быстро, что на большую Свору ей не хватило сил. Два Дара, серый и черный, схлестнулись у самого носа Латерфольта, и его отбросило в сторону ударной волной. Шарка тоже покачнулась и едва не упала, но ей удалось одолеть Дар Дьорды. Ошметки серой мглы разбросало по площади, и Дьорда с шипением отпрянула обратно к Рейнару и грифону.

Мархедор тем временем навис над оглушенным егермейстером, как коршун. Шарка, все еще ошеломленная, послала демонов к нему, и снова пыль и мрак схлестнулись, как два рваных сгустка. Но впереди наступала Дьорда с серой рукой, и с каждым шагом оба становились сильнее. Шарка чувствовала усталость демонов собственным телом. Враги все подступали, окутанные своим колдовством, уродливым и каким-то необъяснимо знакомым, хотя ничего подобного она не видела ни сама, ни в памяти Свортека. Но думать было некогда: одной рукой она отбивалась от Мархедора, другой от Дьорды. На краях площади снова начали появляться солдаты, от которых отстреливались последние хинны и егери. Один лишь герцог терпеливо выжидал, удерживая рвущегося в драку грифона, чтобы

теперь уже наверняка схватить Шарку и отвезти к королю. Без всяких переговоров.

Злость снова поднялась в Шарке, но теперь не питала ее силой, а загоняла в отчаяние. Шарка вдруг осознала, что стонет и плачет от напряжения: ее внимание так быстро металось от одного врага к другому, что она уже давно словно бы отделилась от своего тела с его болью. Она все пыталась подобраться к Латерфольту, от которого из последних сил отгоняла Мархедора...

«Этого ты хотел, Свортек?»

Левую щеку Шарки пронзила боль, словно кто-то наотмашь ударил ее по лицу рукой, одетой в шершавую рукавицу. Дьорде удалось пробить демонов Шарки, и серая рука отвесила ей пощечину, оставив на коже сетку царапин. Она обернулась и столкнулась взглядом с мертвым лицом, за которым уже не осталось человека.

Рейнар потянулся к седлу на грифоне и вытащил моток веревки. На земле, под ногами у Дьорды, Шарка увидела то, что все это время скрывала пыль. Останки Тальды, над которой схлестнулись демоны, разметало по площади. Тяжелый сапог Дьорды втапывал в грязь золотые волосы...

В ужасе Шарка обернулась к Латерфольту, и в тот же миг на ее запястьях сомкнулись серые щупальца. Мархедор вытянул перед собой руку, держа Шарку своим Даром, точно марионетку на ниточках.

Со стены упал кто-то из хиннов.

Герцог разматывал веревку.

Отощавшие, слабые демоны растворились в воздухе, а сама Шарка, казалось, бессильно повисла на серых ремнях в руках Мархедора и Дьорды... А затем в мгновение ока распрямилась, запрокинула к небу голову и оглушительно, страшно закричала.

Вот она и пришла наконец — ярость Свортека.

От крика в ушах звенело — или это звон от взрыва, который последовал за криком? Или вопли искалеченных? В глазах стояла муть от пыли Даров и собственной боли. Рейнар неуклюже поднялся на слабых ногах, которые все норовили подкоситься, и протер глаза.

Крепость застыла в зловещей тишине. В центре площади стояла маленькая ведьма. Ее глаза светились, как и в тот день: две белые точки в дымке разрушения. Она единственная удержалась на ногах и теперь уставилась в небо, равнодушная ко всему вокруг. Даже самого Рейнара она не удостоила и взглядом, а вокруг клубилась густая иссиня-черная тьма — уже не демоны, а рваное кольцо, готовое в любой момент вырасти в защитный кокон.

«Все же успела войти в это свое ведьминское что бы то ни было, курва!»

Рейнар осторожно приблизился к Шарке. В рассеявшейся пыли он увидел черную кучу хлама и не сразу сообразил, что смотрит на труп Мархедора, сплюснутый и разломанный, словно порванная псами тряпка. Недалеко лежала ничком Дьорда. Рейнар проковылял к ней и перевернул на спину. Половина лица девушки превратилась в кровавое месиво, левую руку раздавило, и все же она была жива и тяжело хрипела. Черные сосуды на белой коже пульсировали точно щупальца морского гада.

Видимо, его самого спасло лишь то, что он не стал приближаться к ведьме, хотя и был совсем недалеко. Рейнар с сомнением взглянул на Шарку, оценивая глубину ее забытья, затем подобрал с земли камушек и бросил в ту сторону. Вытянувшаяся из кокона голова демона раскрошила его еще до того, как камушек успел коснуться земли.

Со стороны крепости неуверенно надвигались ряды подкрепления с пиками и арбалетами. Рейнар нетерпеливо махнул им, чтобы подходили ближе. Но, видимо, то, что они увидели минутой ранее, не вселяло в солдат энтузиазма. На стенах тем временем метались фигуры, а со стороны ворот доносился шум битвы. Должно быть, Хроуст уже раздобыл лестницы и послал Сироток в крепость.

Сердце забилось в груди Рейнара так, что стало тяжело дышать, когда он сопоставил свои потери и прикинул силы Шарки. Пусть девчонка не сразу впала в знаменитое бешенство Свортека, все же за эти два месяца она стала куда сильнее, чем в день их первой встречи. Рейнар осторожно поднял на руки Дьорду. Вязкая темная кровь заливала его, пока он тащил колдунью к грифону. Слава богам, Такеш как дитя Изнанки был не восприимчив к Дару, и удар Шарки его, как и почему-то Рейнара, тоже не задел. Но когда Рейнар уже был совсем рядом, раздался свист, и в нагрудную пластину грифона вонзилась стрела. Такеш возмущенно завыл и загарцевал на задних лапах, разгоняя воздух крыльями. Рейнар обернулся и увидел Латерфольта с луком в руках.

— Стой, мразь! — хрипло выкрикнул пошатывающийся хинн. — Сегодня ты мне за все ответишь!

— Пошел к дьяволу! — ответил Рейнар и, собрав последние силы, в один прыжок оказался перед грифоном. Он успел заметить, что колчан у Латерфольта пуст, и это выиграло ему несколько драгоценных секунд, пока он усаживал Дьорду в седло и закреплял ей ремнями ноги и уцелевшую руку. Стрела пробила доспех грифона, но густая грива уберегла зверя от верной смерти. Рейнар ударил Такеша по крупу:

— Лети, олух!

Но грифон не тронулся с места и лишь гневно рычал на Латерфольта, который, едва стоя на ногах — оче-

видно, его сильно контузило, — пытался найти целую стрелу. Рейнар снова ударил Такеша, на сей раз сильнее, а затем схватил его голову и заставил посмотреть на себя.

— Приказываю: оставь меня и улетай!

Зверь медлил, не в силах понять, почему хозяин гонит его прочь, а Рейнар все острее ощущал отчаяние. Маленькая ведьма понемногу приходила в себя: с приближением солдат ее черный кокон нервно дрожал, готовясь выпустить демонов в очередную атаку. Наконец грифон издал хриплый рев и, хлестнув Рейнара на прощание хвостом, прыгнул на стену, а оттуда тяжело взмыл в небо. Запрокинув голову, герцог наблюдал, как отдаляется, превращаясь в темное пятно, его последний шанс на спасение.

Атаку Латерфольта он почувствовал спиной и, развернувшись, выхватил из ножен меч в тот самый момент, когда сабля опускалась, чтобы снести ему голову. Зазвенела сталь. Кривой клинок проехал по прямому и соскочил, увлекая Латерфольта за собой. Рейнар занес меч и сделал выпад, целясь Латерфольту в живот, но без должной силы: чертовы предплечья пронзила тянущая боль, и Латерфольт, даже оглушенный и раненый, легко выбил меч из его рук.

Рейнар, не растерявшись, ударил Латерфольта ладонью в кадык. Хинн отпрянул, хрипя, потерял равновесие и рухнул на колени. Рейнар поймал его взгляд. Латерфольт был и сам обескуражен своей неловкостью и понимал: знаменитая горячность привела его к закономерному концу. Рейнар выхватил из-за пояса кинжал. Другая его рука пригвоздила противника к земле, встретив слабое сопротивление. Герцог склонился к спутанной черной гриве и прошептал Латерфольту на ухо — совсем как в тот раз:

— Я же сказал: убирайся навсегда!

Латерфольт из последних сил дернулся, рыча сквозь сцепленные зубы, и Рейнар нанес удар. Спина егермейстера выгнулась дугой; сын Хроуста, легендарный Принц Сироток, долбаный неуловимый лис — вот он, твой бесславный конец! Рейнар медленно вынул кинжал из его бока, и Латерфольт сжался, одной рукой пытаясь зажать рану, другую вытянув перед собой и пялясь на кровь, словно не веря своим глазам. «Это что, твое первое ранение?» — хотел было съязвить Рейнар, но издевка застряла в его горле. Неподдельный детский ужас в глазах Латерфольта, а с ним осколки воспоминаний, отзвуки клятв, старая, гнилая боль и стыд заставили Рейнара содрогнуться и застыть перед врагом.

Демоны тем временем покинули свой кокон и один за другим бросились на копейщиков, которые мужественно держали строй, пока их товарищи падали под натиском тьмы. Шарка по-прежнему стояла как истукан над телом превращенного в мусор Мархедора, но Рейнара не покидало ощущение, что еще мгновение — и она проснется. Он вцепился в гриву Латерфольта и потянул вверх, чтобы тот встал.

— Еще ничего не кончено, — прорычал Рейнар себе под нос. — Ты идешь за мной!

С этими словами он потащил егермейстера за собой в глубь крепости.

Шарка вернулась в сознание, когда кокон рассыпался на множество теней и те бросились на солдат крепости. Плоть просыпалась медленно: застоявшаяся без движения кровь разливалась по сосудам, отчего в ногах и ладонях защекотало, и Шарка не сдержала глупого хихиканья.

Все еще смеясь, она наконец открыла глаза и увидела себя в полном одиночестве в центре площади, усеянной трупами. Кровь на камнях, останки врагов и союзников, запах гари и человеческих останков, шум со стороны крепости и ворот — все казалось далеким после забвения, в которое ее забросила ярость.

Демоны расправлялись с отрядом копейщиков, и Шарке даже не нужно было сопровождать их взглядом и отдавать команды, как раньше. Она прошла по площади, заглянула в коридор, увидела войско Хроуста за опущенной герсой. Война вдруг показалась ей чужой и ненастоящей. Шарка покрутилась на месте, беззаботная на поле брани, как девчонка на лугу, собирающая цветы. «Очнись, — уговаривала она себя, — ты здесь не просто так!»

Вопли ужаса и боли наконец докатились до ее ушей — раньше она не обращала на них внимания, но теперь слух проснулся, как и остальные чувства. Шарка опустила на колени. Тяжесть своего доспеха она тоже ощутила, будто впервые, и принялась стаскивать его с себя, благо в битве ремни ослабли. Шлем она уже давно потеряла. Сияющий подарок Сироток упал на землю рядом с лужей крови, и дышать стало легче. Она расправила усталые плечи, как вдруг услышала:

— Шарка! Он схватил Вилема!

Фубар возник из ниоткуда и принялся трясти ее за плечо. В последний раз, когда она видела его, Фубар на своем коне въехал в самую гущу врагов и там исчез. Наверное, удача улыбнулась ему в очередной раз.

— Кто? — с трудом выдавила из себя Шарка.

— Рейнар! — Имя показалось знакомым, но не вызвало никаких чувств. — Я видел, Шарка! На этом самом месте!

Фубар указал дрожащим пальцем себе под ноги:

— Он пронзил его кинжалом и потащил за собой... Шарка, ты слышишь меня? Он схватил Латерфольта!

Шарка вздрогнула, словно ее укололи иголкой. С этим вторым именем в груди разлился холод. Фубар указывал на дужу крови, от которой неровный след тянулся в глубь крепости.

— Латерфольт, — повторила Шарка и вдруг обмякла. Фубар успел подхватить ее, и она повисла на его руках, крича: — Вилем! Он жив? Фубар, где он? Нет...

Фубар встряхнул ее.

— Я видел, куда пошел Рейнар, — твердо и громко сказал он, удерживая ее на ногах. — За ними, скорее!

Шарка покорно кивнула и позволила тащить себя, собирая по пути Свору. От тупого равнодушия не осталось ни следа: теперь каждый шаг, который она делала за Фубаром, отзывался болью и ужасом. «Это сделала я», — думала она, глядя на разорванные тела копейщиков, и снова ей стоило огромных усилий удержать себя в сознании. Вилем ранен и, может быть, уже мертв...

Мир мелькал перед глазами отдельными картинками: спина Фубара, какие-то узкие улицы, по которым он вел ее, отдаваясь от стены и ворот, дома с заколоченными окнами, пустынные пространства, жемчужные глаза ее верных комков тьмы. Однажды ей удалось обернуться и увидеть, как вдали со стен спускаются Сиротки. Но соображала она плохо, в мыслях все сжалось до простого набора образов: боль, мертвецы, Вилем...

Шарка остановилась как вкопанная. Фубар испарился, исчез, она потеряла его из виду. Зато на площади перед зданием ратуши, украшенной статуями гордых грифонов и королей прошлого, перед ней стоял отряд стрелков с ружьями. Каждое дуло было направлено Шарке в грудь.

Демоны, вся ее трепещущая мрачная рать с оскаленными пастьями, собрались вокруг Хранительницы. Пусть стрелки были довольно далеко, ей бы хватило лишь нескольких быстрых шагов. Мстительная радость

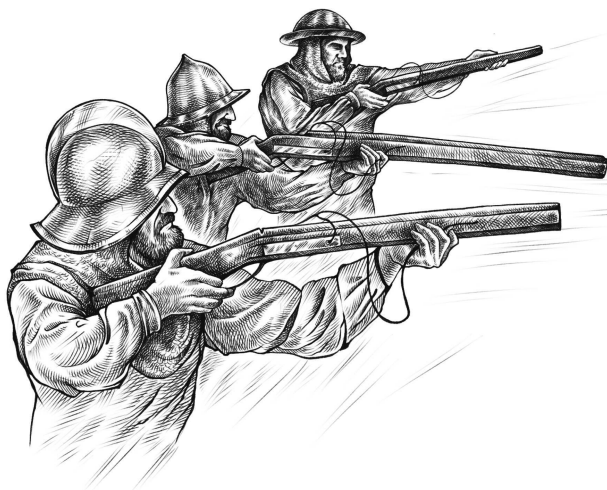
заставила Шарку улыбнуться, и увидевшие это стрелки содрогнулись.

«Да хоть еще тысячу пошлите! Десять тысяч! Дюжину кьенгаров! Разорвать, стереть в пыль, уничтожить...» Она слышала внутри себя Голос, невнятный, далекий, но не умолкающий ни на секунду. Однако тут стрелки расступились, пропуская вперед человека. Герцог Рейнар вышел вперед, левой рукой прижимая к себе Латерфольта, а правой держа у его горла кинжал.

Ведьма, которая уже собиралась было броситься на них, сияя знаменитым оскалом Свортека, застыла как вкопанная. Рейнар встряхнул Латерфольта, чтобы Шарке было видно, как хинн закашлялся и слабо попытался вырваться из хватки.

Шарка дернулась вперед.

— Нам надо подпустить ее ближе, — сказал Рейнар солдатам. — Иначе пули не достанут.

— Но тогда нам тоже конец, — ответил капитан стрелков, и по ряду его людей прокатился гул согласия.

Сиротки, прорвавшие жалкую оборону Козьего Града на стенах, уже хлынули в крепость, попадаясь во все расставленные Рейнаром ловушки, но все же часть их сумела добраться вслед за Шаркой до площади. Теперь с ними боролись защитники ратуши, но герцог ясно видел: у солдат мало шансов против фанатиков Хроуста. Все пошло коту под хвост! Одноглазый гетман, как в старые времена, умел делать из своих выблядков настоящие машины убийства, а королевским солдатам недоставало ни духа, ни причин драться до последней капли крови. «И все же, — думал Рейнар, глядя, как воодушевленная появлением Хроуста Шарка делает мелкие шаги ему навстречу в окружении демонов, — не все потеряно».

Он крепче перехватил истекающего кровью Латерфольта и тоже двинулся вперед. Стрелки на мгнове-

ние замешкались, но все же сделали шаг навстречу псам тьмы и их хозяйке. Еще несколько локтей...

Глаза девчки впелись в него — совсем не такие, как у Мархедора и Дьорды, живые даже сквозь пелену ненависти.

«Не думай, Рейнар. Не сейчас...»

Один из демонов резко подался вперед. Рейнар надавил на кинжал так, что пленник захрипел, и выкрикнул:

— Если ты спустишь демонов, он сдохнет!

Демон втянулся в свору. Лицо девчки превратилось в маску злобы.

«Как ты до этого докатился? Ты стал таким же ублюдком, как Златопыт, нет, хуже — как Ураган, державший в заложниках тощего мальчишку!»

Рейнар снова двинулся вперед вместе со своим отрядом. На сей раз ведьма не протестовала. Еще совсем немного, и...

Он не сразу понял, что заставило его заорать так громко, что стрелки растерянно опустили ружья. Левую руку снова пронзила неистовая боль, почти как в тот самый день. Ублюдок Латерфольт укусил его, вложив в это последние силы, и едва не добрался до вен. Рейнар невольно отбросил хинна от себя. Тот упал на землю и пополз на четвереньках. Стрелки нацелились на него.

— Нет! Не его! Убейте ее! — взревел Рейнар.

Тьма взметнулась перед Шаркой, как щит, пока воздух наполнялся громом от выстрелов и густым дымом. За неплотной завесой мрака, дымом и слезами Рейнар видел, как мечется нечеткий силуэт девчки. Она успела отвернуться, но затем вздрогнула — один раз, второй, третий. Тьма задрожала и побледнела: большинство пуль так и не достигли цели, но, судя по судорогам ведьмы, несколько раз ее все же задело.

Пока стрелки перезаряжали ружья, Рейнар, вытягивая шею, пытался рассмотреть хоть что-то за завесой

белого дыма. Шарка стояла к нему спиной, согнувшись и тяжело дыша. Затем медленно и как-то величественно повернулась, вытянув к нему правую руку. Ее веснушчатое лицо было покрыто кровью, но глаза горели, яркие, как глаза ее проклятых псов.

— Нет, — прошептал Рейнар, но было поздно.

Демоны взметнулись прямо из пустоты вокруг своей хозяйки, и черная волна со множеством горящих белых глаз полетела на стрелков.

Время замедлилось, но Свора, как грозовая туча, надвигалась так неумолимо, что Рейнар даже не попытался отступить. Сзади один за другим зазвенели вопли предсмертного ужаса; кто-то тщетно пытался стрелять в волну мрака. Рейнар ощутил кожей, как за его спиной самые быстрые из демонов уже вцепились в глотки стрелков, как крошечные капли чужой крови оседают на волосах...

И не было ничего, кроме этого замедленного кошмара, этой тьмы, медленно пожиравшей его. То, как он представлял себе умирание, оказалось чепухой. Жизнь со всеми ее горестями, потрясениями и редкими мгновениями счастья не пролетела перед его глазами. Никаких лиц любимых людей, никаких Эфолы, Тернорта, даже Морры; никакого света... Ничего, кроме тьмы...

Рейнар закрыл глаза и позволил себе опуститься на колени. Затылок приятно обдувал ветер. Мгновение перед тем, как бездонная пасть поглотила его, растянулось на вечность.

II РАНЕННЫЕ

иротки собрались вокруг Шарки, у ног которой неподвижно лежал бледный Латерфольт. Она все уговаривала себя коснуться его и осмотреть, но тело не подчинялось, словно не было уверено, что сможет совладать с правдой.

Поэтому, словно оцепенев, Шарка просто паялилась на Рейнара. Герцог — то, что от него осталось, — все так же неподвижно сидел на коленях с опущенной головой в окружении трупов солдат. Его собственное тело никак не желало заваливаться наземь. Никто не решался приблизиться к нему и воронке. Разорванные, перекрученные, словно пропущенные через мясорубку останки — такая смерть казалась чудовищной даже для грифонов Редриха. И это единственное уцелевшее тело — что будет с ним? Разорвет ли его в клочья или развеет по ветру горстью праха? Что она с ним сделала?

— Латерф! — прогремел словно издалека рык Хроуста. Краем глаза Шарка увидела, как гетман опускается к телу егермейстера и подхватывает безвольную голову под затылок.

— Принц пал! — раздались горестные стоны, и Сиротки — мутные причитающие пятна — столпились вокруг Хроуста и Латерфольта.

— Не пал, черт вас дерит! — надрывался Хроуст. — Чего встали? Лекаря! Живо!

— Мой гетман, — прошептала Шарка. Дрожащий палец указывал на Рейнара. Сиротки и даже Хроуст умолкли.

Голова Рейнара дернулась и медленно поднялась, открывая лицо без единой царапины. Взгляд мутных, но живых глаз пошарил по толпе и с недоумением остановился на Шарке.

Шарка и Морра стояли перед разрушенной стеной одного из домов, которые поглотило море. Хроуст разрешил Шарке уничтожить ее: толку от стены все равно не было. За баронессой и Хранительницей по-прежнему наблюдал Тарра, а вдали, на набережной, толпились дети и зеваки.

Шарка сосредоточилась, выставив руки перед лицом ладонями вперед, — и раскаленная волна с неистовой яростью ударилась о стену, раскрошив ее на мелкие кусочки. С набережной донеслись радостные вопли. Шарка обернулась и помахала зрителям, которых это привело в неопиcуемый восторг. Через паранет перемахнул человек и решительно направился к ним. Узнав Фубара, Шарка заулыбалась. Давно уже пора, черт побери, где его носило?

Тарра перегородил ему путь:

— Ну что, тебе все неймется?

Но Фубар упрямо рвался к Шарке и Морре, хоть егерь и удерживал его:

— Мне нужно поговорить с Хранительницей! Я хочу сопроводить ее на битву!

— Это не тебе решать! Да что не так с тобой, господи!

— Шарка, скажи ему! — взмолился Фубар. — Скажи егермейстеру! Я докажу свою верность Сироткам и тебе!

— Для тебя я — егермейстер! И я говорю, чтобы ты заткнулся!

Морра схватила Шарку за рукав, заставляя отвернуться от Тарры и Фубара, между которыми, как и было запланировано, началась перепалка, и вынудила посмотреть на себя.

— Не делай этого, не ездь с ними, — быстро заговорила она, пока внимание Тарры было приковано к Фубару. — Хроуст втягивает тебя в войну, как Редрих втянул Свортека!

— Свортек сам этого хотел.

— Я говорю тебе, Шарка, — продолжала баронесса сквозь ругань мужчин. — Просто услышь меня...

— Нет. — Голос Шарки был тверд, как никогда раньше. — Пожалуйста, перестань. Я видела...

— Что ты видела? Очередной дурацкий сон?

Шарка упрямо смотрела на нее. Тарра пихнул Фубара в плечо, отгоняя прочь, и Морра не выдержала:

— Что ты можешь знать — ты, деревенщина, илхоха? Ты даже читать и писать не умеешь, откуда тебе знать, чего хотел Свортек?!

Злость отразилась на лице Шарки: наверное, давненько никто не напоминал ей о прошлом, которое подмяли под себя парады Хроуста и обожание таворцев. Вокруг зажглись в воздухе тусклые жемчужные глаза.

— Что, убьешь меня? — ехидно спросила Морра.

— Ты лежала в траве и плакала, глядя на мертвого птенца, — сказала вдруг Шарка. — Свортек сказал: «Оно и к лучшему, что твой ребенок умер». Это мне тоже приснилось?

— Как... Что... — Морра ошарашенно шлепала губами, не в силах собраться.

— Свортек сам отдал ему Нить. Латерф пообещал остановить войну, и обещание сдержал.

— Ложь! — Морра сорвалась на визг. — Свортек вернулся с головой Латерфольта, и на нем не было ни царапины!

— Я все это видела.

Шарка взвизгнула и отпрянула: Морра швырнула ей в лицо пригорошню песка. Баронесса не успела отдернуть собственную руку, не успела ни о чем подумать. Слова, которые она готовила, умерли, встретившись с невозмутимостью Шарки. Сзади раздался топот множества ног и ругань Тарры:

— Ах ты сука! Как ты смеешь!

— Ты ничего не знаешь! — заорала Морра так, что в ушах зазвенело. Шарка продрала забитые песком глаза. Тарра скрутил баронессу, заведя руки ей за спину, но она все еще боролась, пока вокруг собирались встревоженные таворцы. — Я делаю это для тебя, идиотка! Шарка!

Ее увели под улюлюканье толпы...

Морра встряхнула головой, прогоняя воспоминание, назойливо преследовавшее ее с самого начала битвы. Какой теперь толк ковыряться в прошлом? «Признай, Морра: ты не смогла. У тебя был последний шанс в тот день перед битвой, и он выскользнул у тебя из рук, как твоя свобода, как расположение Шарки, как много что еще...»

План Рейнара полетел к чертям, хотя поначалу все шло гладко. Герса перекрыла Хроусту путь в крепость, и войско растерянно столпилось под стеной. Немало времени им потребовалось, чтобы понять: герсу не сдвинуть с места, а Шарка слишком занята битвой, чтобы помочь Сироткам проникнуть внутрь.

Но затем раздался взрыв.

Тыл, в котором находилась Морра под надзором Кирша, дрогнул. В войске, собравшемся у разбитых ворот, тоже прокатилось волнение. На несколько мгновений замерло все, притихли даже беспокойные лошади. Звук отличался от того, с каким Дар Воздуха и Огня разрушал стены, ворота и другие преграды. В нем застыл оглушительный крик, зловещая нота которого разлилась над крепостью и медленно ушла в землю.

А затем в небо взмыло пятно — то был бронированный Такеш с всадником, который раскачивался в седле, удерживаясь лишь на ремнях. Изо всех сил напрягая зрение, Морра наконец рассмотрела: не Рейнар. Кто-то другой, закованный в черные латы, не такие, как у Шарки, без сознания или мертвый... В тот миг она осознала: план Рейнара провалился.

Не сказать, чтобы она знала его досконально. Фубар передал ей только самую суть в записочках, которые подкладывал в книги на уроках с Шаркой. Морра, забивая Шарке голову ерундой и удерживая ее от овладения полной мощью Дара, тоже передавала Фубару послания, которые далее попадали к Рейнару. Но Шарка, со своей тупой влюбленностью в Латерфольта, умудрилась раскрыть Дар сама, и Рейнару пришлось готовиться в спешке. Вглядываясь в крепость, словно стены могли стать невидимыми и открыть происходящее, Морра все лучше понимала: он не справился.

Все они не справились.

Впрочем, как обычно.

Хорошо хоть ее взяли на штурм. Хроуст рассудил, что будет полезно иметь Морру рядом на случай, если Шарка не совладеет с Даром. Шарке об этом не сказали: после того случая на пляже их больше не оставляли наедине, чтобы не нервировать бедняжку. Почему же они не зовут ее? Может, нет никаких причин для тревоги?

К стенам уже приставили лестницы, и Сиротки начали проникать в крепость, не встречая сопротивления. Неужели Козий Град пал?

— Кириш! — Морра схватила его за руку. Болтливый Кириш уже несколько минут молча ерзал в седле: верный знак, что что-то пошло не так и для Сироток. — Там что-то происходит, отвези меня туда!

— Поприказывый мне тут, — отмахнулся он без особой твердости.

— Я не приказываю. Я лишь говорю, что Шарке, возможно, нужна помощь! Ты же видишь, что штурм пошел не по плану!

Кириш скривился, но в тот же миг со стороны крепости раздался протяжный, похожий на стон звук рога. Тыл встрепенулся. Последовали еще два коротких сигнала, и Морра нетерпеливо толкнула Кириша в плечо:

— Вези меня! Хроуст зовет!

На сей раз советник Хроуста не стал упрямиться: имя гетмана отогнало сомнения. Морру усадили в седло за ним, и Кириш погнал коня через поле к Козьему Граду. Пыль забивала нос и рот. Над крепостью уже нависла плотная черно-синяя туча, готовая пролиться дождем и смыть ужас боя. То и дело взгляд Морры против воли задерживался на трупах людей и лошадей. Хотя штурм первых ворот прошел именно так, как планировали Сиротки, все же немало всадников из конницы Латерфольта нашли здесь свой конец.

Поделом! У них было пять лет мира, и могло бы быть еще больше. Но они сами захотели этой войны и тем призвали свою смерть... Так Морра распаляла себя, чтобы задавить ужас злостью, но впервые за много лет старая уловка дала слабину.

Перед Киришем солдаты почтительно рассыпались в стороны. Морра взбиралась по лестнице как можно быстрее, ожидая запоздалой стрелы под ребра. Вдруг

Сиротки уже выяснили, кто снабжал новостями Рейнара? Или королевские солдаты поджидают ее в засаде, потому что поверили, будто она все это время помогала Сироткам? А что, если Шарка погрузится в безумие, потеряет контроль и прикажет Своре разорвать ее на кусочки? Морра заторопилась так, что перестала попадать руками и ногами по перекладинам. Пути назад все равно не было: прямо за ней лез Кириш, а внизу у стены толпились полчища Сироток.

Наконец она перемахнула через крепостную стену и поняла, что все предыдущее было цветочками по сравнению с тем, что творилось внутри.

— Эти ублюдки устроили засаду! — комментировал Кириш. — Они опустили герсу... Хотя это даже не герса, у Козьего Града ее никогда в жизни не было! Опустили решетку, чтобы не дать нам въехать. А сами...

«А сами принялись расстреливать то, что осталось от отряда Латерфольта», — поняла Морра, спускаясь со стены во двор между первыми и вторыми воротами. Множество егерей и хиннов, утыканных стрелами, лежали здесь в одной безобразной куче. Среди мертвых Морра заметила Якуба, который на пути в Тавор менял ей повязки на ранах, а в Таворе был ее тюремщиком... Дальше, за коридором, что вел внутрь крепости, смерть поменяла почерк на более знакомый. Разорванные тела защитников, которых не спасли ни кольчуги, ни шлемы, провожали Морру пустыми взглядами. Сильный приступ тошноты сжал горло. Предгрозовая духота, вонь крови и застывший в теле ужас заставили Морру согнуться пополам и как можно скорее броситься прочь из коридора, на свет, на простор, подальше от этой тьмы...

Но и на плацу она не нашла облегчения. Пусть Сиротки уже растаскивали тела по краям площадки, все равно тут и там растеклись лужи крови, а куски растер-

занных тел зияли, словно раны самой земли. У одного из них собралась целая толпа. Люди выглядели встревоженными и не решались подойти ближе. У Морры перехватило дыхание от страшной догадки, и она бросилась туда на слабых ногах, пока Кириш пытался сообразить, где находятся Хроуст и Шарка.

— Тебе сюда нельзя, — неуверенно возмутились Сиротки, пытаясь отогнать Морру, но баронесса проворно проскользнула к телу и застыла перед ним, не дыша.

Значит, она была права... Фубар не решился назвать в записках имена тех, кто получил Трофей Свортека. Но она-то знала, кому в Гильдии Редрих доверял больше всего и кого мог выбрать для чудовищного ритуала, который сам Свортек столько раз высмеивал.

Морра рухнула на колени перед останками, смятыми в груде черного металла.

«Мархедор, Мархедор... Ты к нему неровно дышишь, что ли?»

Нет, она не была в него влюблена. Но Мархедор проделал огромный путь, чтобы приблизиться к ее сердцу и занять там хотя бы место друга. Сдержанный, прозорливый, уважаемый за свой ум даже Свортеком (немыслимо!), теперь он никогда больше не обсудит с ней свои безумные теории и не расскажет очередную историю, почерпнутую из старинных книг, которые он любил сильнее всех в Гильдии, а то и в целом королевстве. Лицо его было изуродовано, но не разрушительной силой Дара. Серое, покрытое черными сосудами, с глазами, вылезшими из орбит, — так выглядело лицо ее единственного друга, с которым она не успела и словечком перекинуться перед этой чертовой миссией...

Рыдания застряли в груди. Морра лишь чувствовала, как дергаются, словно не принадлежа ей, плечи, тревожа свежий шрам от стрелы.

— Баронесса! — прогремел нетерпеливо Кирш. Должно быть, он уже долго не мог ее дозваться. — Идем, нас ждет Хроуст!

«Да идите вы все в пекло со своим Хроустом!» — упрямо повторяла она про себя как молитву, но вслух не вымолвила ни слова. Кирш взял ее под локоть, поставил на ноги и отвел от тела. Она успела поймать его брезгливый взгляд при виде останков магистра:

— Вот что делает ваш великий король с собственными людьми ради своего вонючего трона. Превращает в живых мертвецов!

— Значит, у него есть еще кьенгары? Хранительница Шарка — не последняя? — прозвучал откуда-то из толпы Сироток логичный вопрос — и все взгляды метнулись к Морре.

Но та уже не могла ничего ответить: ее губы и плечи вздрагивали все сильнее и чаще. Мархедор, Мархедор...

Кирш рассерженно цыкнул:

— Это мы еще узнаем. Пойдем, Морра, скорее!

Он буквально тащил ее за собой через крепость, пока сама Морра пыталась отогнать тошноту и страшное лицо мертвого друга, стоявшее перед глазами. С каждым шагом Сироток вокруг становилось все больше. Кирш вывел ее на площадь у нарядно украшенного здания со статуями и колоннами — должно быть, здесь был городской совет. На несколько мгновений он застыл, глядя в сторону воронки в центре площади, откуда Сиротки убирали очередных жертв Шарки.

Шарка... Сознание понемногу возвращалось к Морре. Она позже оплачет Мархедора так, как полагается. Если Рейнар пал, то ей самой и, возможно, несчастному Фубару грозит смертельная опасность. Скорее всего, Кирш ведет ее не на помощь Шарке (как она может помочь Хранительнице Дара, которая разнесла целую крепость?), а на казнь.

У входа в ратушу она повисла на руке Кирша:

— Постой! Я все объясню!

— Морра! — Грубый рывок поставил ее обратно на ноги. Кирш схватил ее за шкурку, как разбаловавшегося хорька, и потянул к дверям. — Приди в себя, мать твою...

— Морра!

Голос Хроуста невозможно было спутать ни с чьим другим. Он ударил, как гром, а следом и настоящий гром расколол свинцовое небо, и Морра оказалась перед гетманом.

Безоружный, но грозный, явно борющийся с гневом Хроуст увлек Морру за собой в глубь темного зала, заполненного самыми близкими его полководцами. Кирш бросился к предводителю с расспросами, но Хроуст заткнул его, и Кирш понесся к другим: Петличу, Бабешу и тем, чьих имен она не знала. Если бы ее хотели казнить, вряд ли отпустили бы так просто... Тем не менее Хроуст пристально следил за ней и поторапливал. «Соберись! — велела она себе. — Если они ни о чем не догадываются, то самое глупое, что ты можешь сделать, — это поддаться страху и выдать себя с потрохами».

Она прошла за Хроустом в дальний конец зала, где под витражами, раскрашивающими последние лучи солнца в цветные пятна, лежали два тела. Каждый шаг отдавался в груди сильным, болезненным ударом. Неужели... Шарка...

Но первым она увидела Латерфольта, голого по пояс и залитого кровью по самый подбородок. Несчастный ублюдок не шевелился, но был еще жив, судя по тому, как над его боком хлопотали лекари, пытаясь зашить кровоточащую колотую рану. Впервые Морра увидела его не несущимся, не хохочущим, не орущим во всю глотку, а неподвижным и серьезным. Что бы она ни испытывала к брехливому хинну, мерзкий коготок жалости впился в сердце.

— Он выживет? — спросила она у Хроуста.

— Выживет! — громко ответил тот, чтобы все слышали. — Это же Латерф, он всегда выживает! Но ты должна помочь ему.

— Как?

От внезапной догадки перехватило дыхание: «Неужели он как-то прознал о Бликсе и думает, что я, ее внучка, могу нечто подобное?»

Хроуст указал на второе одеяло. Там лежала Шарка. Доспеха, в котором она шла в бой, теперь не было, и на платье атели тут и там мелкие пятна крови, расплзаясь по серой ткани. Морра кинулась перед Шаркой на колени, грубо оттолкнув лекаря.

— Верни ее! — басил Хроуст у нее над ухом. — Она потеряла сознание после боя и не приходила в себя. Вряд ли из-за ран. Он отдал приказ стрелять слишком далеко, и мощности ружей не хватило, чтобы ее убить.

— Кто — «он»? — спросила Морра, хотя уже знала ответ.

— Твоя бывшая игрушка.

Что-то заставило ее обернуться: наверное, она хотела увидеть, с каким лицом Хроуст это произнес. Но вместо этого ее взгляд упал на конвой, который вел к выходу высокого пленника. Тот обернулся, словно что-то почувствовав. Он всегда чувствовал, даже когда между ними все закончилось. Всегда знал, когда обернуться.

Рейнар, неведимый, хоть и в камзоле, пропитанном кровью, не казался ни рассерженным, ни отчаявшимся, даром что руки за спиной были стянуты цепями, а на шею ему накинули ошейник, чтобы вести, как бешеное животное. Серый, усталый, с гримасой мрачного недоумения... Какой-то особо смелый конвоир ударил его по затылку, заставив отвернуться от Морры. Поводок натянулся, вынуждая ускорить шаг, и Рейнара вывели из здания ратуши.

— Его казнят?

— Верни Шарку. Это все, о чем ты сейчас должна думать!

Морра тупо уставилась на лекаря, который все пытался привести Шарку в чувство: подносил к носу пучки трав, брызгал водой из ковша, шлепал ладонями по щекам. Но лицо девушки оставалось расслабленным, словно она глубоко и сладко спала. От ярости Свортека в нем ничего не осталось, а может, ее не было видно, пока глаза закрыты. Маленькая шлюха из захолустья, изнасилованная, опозоренная, никому не нужная — а теперь самая вожаделенная добыча для самого кровожадного монстра Бракадии, для самого жестокого короля и для нее самой, Морры, которой еще недавно никто, кроме Свортека, не был интересен...

Она низко склонилась над Шаркой, словно хотела рассмотреть каждую ее веснушку. Лекарь отполз, повинаясь приказу Хроуста. Гетман и Сиротки столпились вокруг в напряженном молчании. Снаружи уже бушевала буря.

— Шарка, — нежно позвала Морра, стараясь держать в голове то чувство, какое возникло, когда она впервые увидела девчонку во дворике лесного приюта. Тогда Шарка была пьяна и пыталась водкой заглушить воспоминания о том, как разбудила в себе великую тьму. Теперь Морра взывала к той жалости, которую испытала при виде ее растерянных глаз, к отвращению к самой себе, когда на поле перед замком она притворялась заложницей, а Шарка разрывалась между ней и братом...

— Шарка, — крупная слеза неожиданно сорвалась с ресниц и упала на губы девушки. — Прошу, проснись. Это я, Глапка!

При звуке этого имени кто-то из Сироток раздраженно фыркнул. Но Морра пропустила шепотки мимо ушей: пусть думают что хотят.

— Шарка! — Девушка по-прежнему не отзывалась, и Морра решила на глупость, о которой думала все это время, но сдерживалась, как не сдерживалась ни перед чем в своей жизни: — Свортек!

В шуме ливня и негромко рокочущего грома утонул удивленный вздох Сироток. Морра не видела Хроуста, но почувствовала, как он приблизился. Рыжие ресницы Шарки дрогнули. Морра склонилась к самому ее уху:

— Я знаю, что ты еще там. Ты нужен мне! Без тебя я ничего, ничего не могу сделать и ничего не понимаю...

Тень Хроуста назойливо маячила рядом, ловя каждое слово.

— Проснись, Свортек, скажи свое слово! Умоляю! Ты же не мог бросить меня. Я знаю, ты еще там...

— Морра.

Дыхание Шарки обдало жаром ее щеку. Морра отстранилась, едва не столкнувшись с головой Хроуста. Шарка смотрела на нее мутно и сонно, без всякой мысли. Но голос, которым она произнесла ее имя — это протяжное «о» и рокочущие «р», низкий, утробный звук на одном выдохе, — не принадлежал Шарке. Так говорил только он... Слов у Морры больше не осталось, ничего не осталось, кроме растерянности, — и она позволила Хроусту, Киришу и лекарям влезть между ней, девчонкой и кьенгаром, заточенным в ее теле.

С тупым онемением баронесса наблюдала, как Шарка приходит в себя и морщится от боли. Лекари держали ее руки, чтобы она не тревожила раны, но Шарка поборола их, закатала рукав, на котором расплылось алое пятно, и продемонстрировала Сироткам кружок новой, свежей кожи: рану, из которой совсем недавно вытащили пулю.

О том, как легко на Шарке заживают раны, Морра старалась все это время не думать. У Свортека тоже был Дар Исцеления, слабый, работающий только на нем

самом. Вряд ли он имел хоть какое-нибудь отношение к Бликсе — та исцеляла других людей. Свортек не исцелял никого — только калечил.

— Латерф!

Шарка отталкивала от себя всех, даже Хроуста: ее вниманием завладел умирающий Латерфольт.

— Он мертв?! — то ли кричала, то ли спрашивала она, срываясь на визг.

— Нет! — вмешался Хроуст, присаживаясь рядом с Латерфольтом с другой стороны. — Он сильный. Он выкарабкается!

Его слова не убедили Шарку, которая, до потешного выпучив глаза, плялилась на рану в боку, под ребрами. Ее наскоро, грубо зашили, но кровь продолжала сочиться из-под швов. Белый, теперь уже явственно похожий на бракадийца Латерфольт не подавал признаков жизни.

— Латерф, — шептала Шарка на ухо егермейстеру тихо и нежно, совсем как несколько мгновений назад Морра шептала ей. На саму Морру она не бросила и взгляда, и почему-то это больно кольнуло. — Вилем...

Хорошо, что Свортек не умел исцелять. Теперь Латерфольт сдохнет, как должен был еще пять лет назад, когда обманул все королевство! Одной проблемой меньше... Об этом думала Морра, чувствуя, как дурацкий коготь впивается в сердце все глубже, и потому угваривала себя все яростнее: «Поделом тебе, пиздоглазый! Сдохни! Хорошо, что Дар ушел, пусть и с Бликсой, но — хорошо. И у Шарки его нет. И ты сдохнешь...»

Рука Шарки легла прямо на рану, пока другой она гладила щеку и спутанные волосы хинна. Телячьи нежности! Чертов лисеныш допрыгался! Молодец, Рейнар, хоть что-то ты сумел... Не стесняясь никого, Шарка принялась поцелуями закрытые глаза и синюющие губы Латерфольта. Боги, что сказал бы Свортек,

увидев это? Если он все еще там, внутри Шарки, как же он, должно быть, воеет от отвращения!

Неожиданно Кирш вскрикнул, указывая на Латерфольта пальцем. Морра проследила за ним взглядом. Все ее мысли развеялись, в голове затих гадкий злорадный голосок. Под рукой Шарки на ране засветился тусклый, но с каждой секундой крепнувший синеватый огонь. Свечение лизало кожу Латерфольта, но не обжигало ее. Острые лучи рождались в ладони Шарки, которую она все сильнее вжимала в рану, и исчезали в ней.

Сиротки разволновались. Кирш как заведенный ходил вокруг, остальные возбужденно перешептывались. На лице Хроуста застыла слабая улыбка, пока он не отрываясь наблюдал за пламенем под рукой Шарки.

В лицо хинна бросилась кровь. Шарка, не прекращавшая ласкать и целовать его, наверное, даже не видела, что все это время происходило с ее рукой.

— Вилем! Не уходи, не уходи!

По телу егермейстера прошла судорога, и раскосые глаза распахнулись. Латерфольт сделал глубокий вдох, выдохнул, снова вдохнул — на сей раз судорожно и нервно, словно вспоминал, как дышать, — и прохрипел:

— Вот же... мразь...

Морра всхлипнула — один раз, второй, пока всхлипы не слились в протяжный вой. Голос Хроуста, визги Шарки, гром — ничто не могло сравниться с этим диким воплем. Она забилась на полу, впиваясь ногтями в плечи, в волосы, пока крик выходил из ее тела, не желая заканчиваться. Она не видела лиц, не знала, бросился ли к ней кто-то, чтобы заткнуть, и просто выла, пока вой не перешел в слабый плач.

Он не мог этого сделать!

Он не мог так с ней поступить!

Свортек...

— Успокойте ее! Дайте ей травяной настой! — прокричал Хроуст, когда Морра перестала выть. Лекарь подошел к девушке с флягой, Кирш схватил за локти. Хроуст сердито потер переносицу: кажется, его собственное терпение было на исходе. — Что с ней стряслось?

— Да просто она баба, — проворчал Кирш. — Бабам не место на поле боя! Ее всю дорогу подмывало удариться в слезы.

Латерфольт не без труда принял сидячее положение. Его дыхание по-прежнему было судорожным, взгляд блуждал, не в силах на чем-либо остановиться. Он не обращал внимания ни на Шарку, которая бережно поддерживала его спину, боясь, что он снова лишится сознания, ни на Хроуста; казалось, хинн все еще переживает отбушевавшую битву.

Хроуст обернулся к Шарке, встревоженно хмурясь:

— Он придет в себя?

— Я... я не знаю... — Шарка и сама задавала себе этот вопрос с тех пор, как до нее дошло: она открыла новую грань Дара, о которой не имела ни малейшего представления. Что, если это совсем не исцеление? — Я даже не знаю, как это вышло...

— Я в порядке, Ян, — сказал вдруг Латерфольт, ни на кого не глядя. — Просто... Не трогайте меня.

Он откинулся на спину. Шарка бросила вопросительный взгляд на Хроуста, но тот уже снова повернулся к Морре. Киршу удалось скрутить ее и влить в рот несколько глотков успокаивающего настоя. Теперь обессиленная Морра лишь всхлипывала и икала.

— Кажется, сегодня день Даров и кьенгаров, о которых мы ни сном ни духом не ведали! — Он обратился к Морре, но та по-прежнему смотрела сквозь него: —

Почему ты не рассказала, что у Редриха есть еще кьенгары? Если, как ты говоришь, тебе плевать на короля...

— Их не было, — ответила баронесса. — Мархедор раньше не был кьенгаром.

Гетман скривился: объяснение его не убедило.

— А герцог Митровиц?

— Что герцог Митровиц?

— На него не подействовал Дар Шарки. Только поэтому он выжил. Значит, он кьенгар. Об этом ты тоже не знала?

Даже сквозь дурман настоя Морра выпучилась на Хроуста в недоумении.

— Ты же была его любовницей, это знает все королевство. Что, никогда не замечала, что он тоже кьенгар? И твой второй любовник тебе об этом не говорил?

— Он не... — Морра выглядела растерянной: даже она вряд ли сумела бы сыграть такое искреннее изумление.

Хроуст сощурился, но, наверное, решил, что раз Морра не готова расколоться, давить на нее нет смысла.

— Хорошо, к черту герцога! Тогда почему ты утаила, что у Свортека был Дар Исцеления? Ты хоть представляешь, какую ценность он имеет?

— Представляю ли я? — Морра визгливо захихикала. Шарка отвела взгляд, будто смотрела на что-то постыдное. Ей еще не приходилось видеть баронессу такой безумной.

— Я доверял тебе, Морра, хотя ты самый близкий Редриху человек из всех, кого я знаю, — продолжал Хроуст тоном беззлобным, даже не строгим, но полным разочарования. — Я подпустил тебя к Хранительнице. Я дал тебе шанс стать свободной гражданкой Тавора...

— Клянусь всем, что у меня есть, мой гетман, я не знала!

— Как же, ты не знала! — подал голос Латерфольт, снова усаживаясь. Взгляд его обрел твердость и уже не

блуждал. Таким гневным, с оскалом на лице, перепачканным засохшей кровью, Шарка его еще не видела. — Не знала, что твой подкаблучник приперся сюда на своем чертовом грифоне в компании дружков из Гильдии! Не знала, что Свортек, твой хозяин, обладает самым ценным из Даров! Среди нас есть предатель, и будь я проклят, если это не ты!

Он встал, стиснув зубы от боли, и заковылял прочь из зала. Кириш кинулся было к нему, но стоило ему приблизиться, как Латерфольт хрипло закричал:

— Не трогать меня!

— Только не наделай глупостей, Латерф, — негромко сказал Хроуст ему в спину. Латерфольт даже не обернулся. Полуголый и окровавленный, он вышел из здания под проливной дождь.

Шарка растерянно сидела на одеяле, не зная, что делать. В голове от усталости все гудело, металось множество отрывистых видений, и, кажется, снова были какие-то воспоминания Свортека, но сил думать не было. Хроуст распорядился увести Морру; без ее плача в зале повисло зловещее молчание, нарушаемое лишь стуком дождя по крыше. Хроуст протянул Шарке руку:

— Шарка, дочка...

Она неуклюже поднялась, оказавшись на одном уровне с его глазом.

— Я еще никогда не встречал героя, подобного тебе.

Так же как в тот день, когда Хроуст и его войско вернулись в Тавор, он встал перед ней на колени и склонил голову. Сиротки последовали его примеру, вскинув в воздух согнутые пальцы, и негромко, но стройно проскандировали:

— Здар, Шарка!

От их голосов по телу Шарки пробежала дрожь. Все казалось далеким, словно происходило с кем-то другим. Хроуст поднялся.

— От лица всех нас, что не вышли бы живыми без твоего подвига, благодарю и преклоняюсь пред тобой. Ты — сердце свободной Бракадии! А теперь, умоляю, помоги моим Детям!

— Что?

Шарка не сразу поняла, что он намекает на Дар. Она еще не успела привыкнуть к мысли, что обладает не только разрушительной силой. Опустив голову, чтобы спрятаться от взгляда Хроуста, она уставилась на свои ладони, покрытые бурой пылью, — руки, которые сегодня отняли столько жизней, но могли спасти не меньше.

Наконец она кивнула, и Хроуст взял ее под локоть:

— Я буду с тобой и помогу, сколько требуется.

Они исцеляли раненых до самой ночи. Хроуст, как и обещал, всюду следовал за ней, приносил воду и еду и отвлекался лишь на сообщения и вопросы военачальников, которые перемещали военный лагерь в Козий Град. Оставшиеся в живых защитники крепости и местное население сдались без боя. Хотя штурм прошел не так, как планировали Сиротки, добиться своего им все же удалось: теперь Бракадия знала, что Ян Хроуст и его войско восстали из мертвых. В своей первой битве они сокрушили не кого-нибудь, а самого герцога Митровицу и вора, похитившего Дар! А чтобы все знали, что они — не кучка отщепенцев, последний настоящий кьенгар встал под их знамя.

Впрочем, до самого кьенгара — Шарки — это не доходило. От усталости у нее кружилась голова, от запаха крови мутило, от стонов раненых и умирающих звенело в ушах. Она ходила от тела к телу, прикладывая к ранам светящиеся ладони, и все лица перед ней сливались в единое лицо непокорной Бракадии: с выбитыми зубами и глазами, с переломанными скулами и носами, с волосами, вывалявшимися в пыли и грязи. Та часть

Шарки, что отвечала за чувства, словно умерла, оставив ее в онемении. Еще семьдесят, еще пятьдесят, еще... Кажалось, раненых не становится меньше, а к новому Дару еще предстояло привыкнуть. Великих чудес он не творил: отрубленные конечности не выращивал, кости сращивал неумело и даже раны сшивал долго и ненадежно.

Наконец Хроуст решил, что на сегодня достаточно, и привел ее в дом кастеляна, откуда самого управляющего замком уже перевели в темницу. Шарке отдали лучшие покои, в которых ее ждали горячая ванна, новая одежда и нагретая постель.

— Благодарю тебя, дочка, — Хроуст не уставал это повторять. Хотя гетман всех называл «сынками» и «дочками», выросшую без отца Шарку это странно волновало. Хроуст все не уходил, пристально всматриваясь в ее лицо, и наконец произнес: — Я знаю, что ты устала, но должен спросить. Ты действительно не хотела оставить герцога Рейнара в живых?

— Нет. — Она ждала этого вопроса весь день, читала его в лицах Сироток, чувствовала, что гнев егермейстера связан именно с ним, и поэтому ответила как можно тверже: — Я хотела разорвать его на части! Он ведь чуть не убил Вилема, и столько наших из-за него погибло...

— Конечно, — нетерпеливо ответил гетман, — но, может, вмешался Свортек?

Ее бесило, как часто Свортека упоминают, словно они одно целое.

— Не знаю, что во мне осталось от него. Но я хотела убить герцога, мой гетман! Я бросила на него все силы, но...

— Хорошо, хорошо, — Хроуст позволил себе по-отечески мягкую улыбку, но Шарку она не убедила.

— Мой гетман, клянусь, я старалась изо всех сил!

— У меня и в мыслях не было тебя винить. Скажу тебе по секрету, — Хроуст заговорщицки подмигнул, —

все вышло даже лучше, чем я предполагал. Хорошо, что ты не убила его. Я даже не ожидал такого очередного подарка от богов...

Сил на то, чтобы раздумывать о его странных словах, у Шарки не осталось, и она лишь молча склонила голову. Хроуст пожелал ей спокойной ночи и захромал прочь. Но Шарка, дождавшись, пока его шаги стихнут, выскользнула из комнаты и отправилась во двор, где еще по пути заприметила одинокую фигуру.

Латерфольт все еще был там: лежал прямо в сырой после дождя траве, уставившись в небо. Он смыл с себя кровь, но даже не поменял одежды и набросил плащ прямо на голое тело. Страшный оскал, с которым он покинул здание ратуши, сменился на лице печалью — еще одним выражением, которое Шарке было незнакомо.

Впрочем, нет. С тем же выражением маленький Вилем качал на коленях мертвого отца, умоляя его проснуться... Когда Шарка подошла достаточно близко, Латерфольт лениво поднялся, словно заметил ее давно, но надеялся, что она решит его не трогать.

— Ты спасла меня сегодня. Благодарю тебя.

Латерфольт, как прежде Хроуст, встал на одно колено и склонил перед ней голову. Испуганная его тусклым голосом и холодной благодарностью, Шарка тоже присела, чтобы оказаться с ним на одном уровне:

— Вилем...

— Не называй меня так.

Она осеклась, поднялась и отвела взгляд. Резкость его тона ранила ее, кажется, сильнее, чем ружья утром. В глазах зашипало, и Шарка развернулась, чтобы уйти, но Латерфольт схватил ее за локоть и заставил посмотреть себе в лицо — осунувшееся, обрамленное сбившимися в колтуны волосами.

— Прости меня! Я просто... я... — бормотал он, жуя губы и не находя слов, за которыми обычно в карман

не лез. — Потерпел полный провал! Я слишком привык к миру. Поставил тебя под угрозу. Потерял своих людей... Ничтожество...

— Вилем...

— Не называй меня так!

Крик повис над пустынным двором; дежурившие на стенах Сиротки обернулись к ним. Шарка отпрянула, а Латерфольт закрыл лицо ладонями и, шатаясь, отошел.

— Прости, я не могу сейчас, — услышала она его невнятное бормотание. — Я ничего не могу...

Он не пришел ночью, не появился утром, и в течение следующего дня никто его не видел. Хроуст, который снова отправился с Шаркой помогать раненым, заверил ее, что Латерфольту нужно время, но в его голосе прозвучало сильное недовольство.

— Он потерял многих своих людей, — робко возразила Шарка, когда они подходили к зданию ратуши, которое теперь служило госпиталем.

— Так случалось и раньше. Сейчас он нужен мне и тебе живым. — Хроуст помолчал, пока раненые приветствовали его и Шарку боевыми кличами. — Если Латерфольту нужно время, я готов его дать. Но только потому, что он это он!

Ночь не принесла Шарке облегчения. Она быстро провалилась в сон, но там ее преследовали призраки битвы. Кроме солдат, захлебывающихся предсмертными воплями, была там и Тальда, чьи останки Дар и Трофей разметали по плацу. Затем Шарка снова смотрела, как наступают на нее кьенгары-воры, изуродованные Даром чудовища, о которых она раньше ни сном ни духом не ведала, хотя Морра их упоминала... А что до самой Морры, то ее плач, словно она тоже потеряла в бою кого-то из близких, до сих пор звенел в ушах

Шарки. Кирш рассказал, что при виде убитого Мархедора обычно хладнокровная баронесса начала вести себя странно. То, как Шарка обнаружила новый Дар и исцелила им Латерфольта, добило Морру окончательно. Но почему?

Множество вопросов терзали усталый разум Шарки, пока она лечила все новые раны, пропуская мимо ушей приветствия и восхваления солдат. Тут очень кстати пришелся Хроуст: он как настоящий отец без устали утешал, разделял скорбь и гнев и уверял, что грифонам воздастся. «Это только начало, — говорил он, — они еще пожалеют!»

— Шарка! — позвали ее знакомым голосом, пока она держала руки над пулевым ранением на ноге солдата. Подняв голову, Шарка увидела яркие синие глаза.

— Фубар! — она улыбнулась впервые за два дня. — Я думала, ты погиб! Исчез ни с того ни с сего!

— Они меня подстрелили, сволочи.

А еще выбили несколько зубов, рассекли бровь и ударом содрали с щеки кожу до самого мяса... И все же ему повезло больше, чем многим другим.

— Прости, что не смог тебе помочь.

— Ты — тот самый Фубар, которого баронесса привезла из Тхоршицы? — перебил Хроуст, рассматривая мечника.

— Да, — Фубар стыдливо спрятал глаза, как всегда, когда кто-то из таворцев напоминал о его истории. — Но я готов и дальше доказывать свою верность Сироткам, мой гетман!

— Ты легко отделался. Пусть боги будут милосердны к тебе и далее.

Фубар отдал честь сердцем.

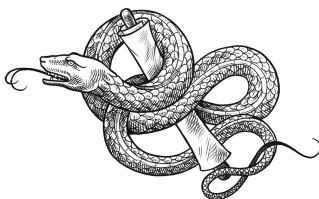
— Скажите, — спросил он, запинаясь от волнения и не поднимая головы, — этот человек, который едва не убил Латерфольта... Грифоний всадник... Он мертв?

Шарка вопросительно посмотрела на Хроуста. Тот подергал себя за ус, раздумывая. Солдаты вокруг и свита Хроуста тоже наострили уши.

— Нет, не мертв, — ответил наконец гетман. — Он ожидает суда, который определит его судьбу. Впрочем, у нее не очень много вариантов.

Под рукой Шарки Фубар нервно дернулся, шипя от боли, пока Дар сшивал его плоть.

— Надеюсь, вы... выберете ему... достойное наказание! — процедил он сквозь выбитые зубы, и Сиротки одобрительно закивали.

III СУД

уд состоялся спустя пять дней после штурма. За это время Козий Град превратился в полноценный военный лагерь, где разместились армия Сироток. Весть о том, что великий Ян Хроуст и его воины-освободители за каких-то пару часов взяли твердыню, которую оборонял сам герцог Митровиц, распространялась все дальше, и к крепости стекались крестьяне, бродяги, разбойники — невеликое воинство, но полное надежды, которая не утасла даже за те пять лет, что Хроуст считался мертвым. Сиротки рассылали письма по городам и деревням, отправляли по всей Бракадии гонцов с известием о чуде: королевство будет свободно! Пришло время отомстить за Тартина Хойю и всех, кто встал на его защиту. Страна сбросит с себя стервятника Редриха, и никто не остановит восставшего из мертвых Хроуста — потому что Свортек, цепной дракон короля, сгинул, а его сила наконец принадлежит человеку из народа. Новая Хранительница Дара на собственной шкуре ощутила жестокость короны и потому без страха и сомнения готова идти в бой за всех несчастных и обездоленных.

Шарка думала, что привыкла к обожанию и почитанию за время жизни в Таворе. Но теперь, когда она еще

и исцелила всех пострадавших в бойне, любовь народа превратилась в удушающее преклонение. Перед ней расхибали лбы и рыдали в экстазе; к ней носили детей на благословение и приводили сирых и убогих, чтобы она избавила их от немощи. Хроуст, впрочем, быстро догадался, что ни к чему хорошему это не приведет, заметив, что под конец дня Шарка валится с ног от усталости. Гетман заверил людей, что время исцеления для каждого еще придет, а пока нужно сосредоточиться на том, чтобы сорвать гнилую корку с ран, покрывающих Бракадию.

Пока самого Редриха под рукой не было, следовало разобраться с его верхнейшим слугой. Суд проходил в церемониальном зале ратуши. Все убранство уже растащили, и теперь это был темный голый зал, в котором вокруг железного кресла с ремнями расставили стулья для Хроуста и его приближенных. Хроуст распорядился провести суд в строжайшей тайне от народа. Солдатам-очевидцам было сказано, что на Рейнара у Шарки просто не хватило сил, а тем, кто слышал разговор с Моррой, приказали помалкивать.

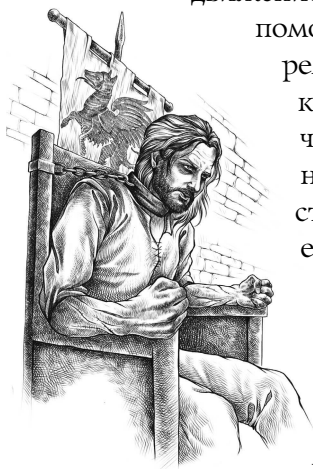
На суде присутствовал сам Хроуст, семеро его гетманов — Кирш, Бабеш, Петлич и другие, — а также Шарка и Латерфольт. Егермейстер занял место по правую руку от Шарки. Он постепенно приходил в себя: уже помогал военному лагерю, но говорил мало и резко и больше не смеялся и не шутил, как прежде. Свободные от забот минуты он проводил в одиночестве на стенах, где нашли смерть его товарищи, и на поле, где развеяли по хиннским традициям прах его всадников. В комнату, отведенную ему и Шарке, он не зашел ни разу, а с Шаркой, как и со всеми остальными, говорил лишь по делу. Сейчас он сидел прямой как стрела, с крепко сжатыми кулаками, всем существом ожидая появления заклятого врага.

Рейнара привели на поводке, с руками, крепко стянутыми веревками, и завязанными глазами. Герцог прошел к креслу, ведомый конвоем. При его появлении нетерпеливо заерзали все, кроме Хроуста и Латерфольта; последний подался корпусом вперед, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься к пленнику.

Подсудимого усадили в кресло. Временки сняли, почему-то оставив руки свободными, зато шею и голени приковали к железным ножкам и спинке. Один из конвоиров, насмешливо ухмыляясь, водрузил рядом грязное знамя Митровиц с крылатым псом в латах на желтом поле.

— Снимите повязку, — велел Хроуст. — Если бы у него был разрушительный Дар, он бы давно им воспользовался.

Конвоиры неуверенно приблизились к Рейнару, и один из них, самый храбрый, стянул повязку резким движением, словно боясь обжечься. Рейнар

помотал головой, насколько позволяли ремни на шее, и поморгал, привыкая к свету. Выглядел он жалко, хуже, чем перед пастями теней, несмотря на то, что его вымыли и дали чистую одежду. Исхудавший, словно его не кормили все это время, он обвел мутным взглядом собравшихся перед ним врагов: равнодушно посмотрел на Хроуста, хмыкнул при виде Латерфольта и наконец уставился прямо в глаза Шарке. Она вынесла его взгляд спокойно: в нем не было ненависти или презрения, хотя именно этот человек пять дней назад собирался ее похитить, а потом убить. Болезненная усталость, почти равнодушие...

Рейнар отвел взгляд и уставился в пол.

— Герцог Рейнар из рода Митровиц, сын Хладра, — Хроуст с булавой на коленях сидел напротив. — Ответь на мои вопросы, и, возможно, участь твоя будет не так ужасна...

— Да чего с ним разговаривать! — перебил Латерфольт, вскакивая на ноги. Кирш и Петлич вскочили за ним. — Он ничего не расскажет. Мы теряем время! Этот человек убил шесть сотен наших братьев и сестер, не считая тех, что в прошлом...

— Латерф, сядь.

Тяжелый голос Хроуста заполнил зал, как вода наполняет сосуд. Латерфольт медленно опустился на стул. Шарка почти слышала, как яростно колотится его сердце.

— Я отвечу, — сказал Рейнар и поднял голову.

— Трус! — прошипел Кирш, усаживаясь.

— Предатель! — добавил Петлич.

— Я сказал молчать! — взревел Хроуст, и Сиротки наконец умолкли. — Скажи, герцог Митровиц, откуда у вас кьенгары? Свортек был не единственным?

— Нет. У нас еще много кьенгаров, я сам точно не знаю сколько. Свортек передал часть Дара задолго до смерти, но Гильдия сохранила это в секрете.

Хроуст нахмурился. Сиротки пришли в волнение, но, опасаясь гнева предводителя, удержались от комментариев.

— Откуда ты узнал о штурме? Среди нас есть лазутчик?

— Был.

— Морра?

— Морра здесь ни при чем. — Рейнар заговорил громче: — Она никогда не любила его величество и не предана ему. Она следовала за ведьмой, потому что думала, что в ней осталась часть Свортека, но никакого отношения к штурму она не имеет. Не трогайте ее.

— Тогда кто?

— Мархедор. Кьенгар, которого вы убили. У него был Дар невидимости, он проник в Тавор и все это время разведывал ваши планы.

— Но в Тавор невозможно попасть просто так!

— Ну, у него был еще Дар зрения, или как там оно называется. Я не знаю этих магических штучек...

— Он же издевается над нами! — снова вскричал Латерфольт, и на сей раз Хроуст не стал его останавливать. — Каждое его слово — ложь! Нет никакого Дара невидимости и зрения! Ты же сам это знаешь, Ян!

— О Даре исцеления мы тоже раньше не слышали, — возразил Киш.

— Мать твою, Киш, ты что, совсем тупой?

Хроуст молчал.

— Позволь мне, Ян, — продолжал Латерфольт, задыхаясь, — просто позволь мне! Я вырву из его поганой глотки все, что захочешь, а потом сделаю так, чтобы эта мразь подыхала как можно дольше и мучительнее! Пусть его ублюдки смотрят, как он вопит и умоляет меня!

Шарка никогда не видела его таким — и это зрелище не вызвало в ней ничего, кроме гадливости. Разве это он, ее нежный егермейстер, знаменитый герой и защитник обездоленных?

Хроуст поднялся с места, никак не ответив на слова Латерфольта. Сиротки тоже вскочили в растерянности: руки у Рейнара все еще были свободны, но тот не шелохнулся. Гетман подошел к герцогу и вытащил из-за пояса кинжал. За спиной Хроуста Шарке не было видно, что он делает. Но когда Хроуст отстранился, Рейнар был цел и невредим. Старик разрезал рукава на рубашке герцога, взял его левую кисть и вытянул обнаженную руку так, чтобы ее все видели.

— Ха! — захохотал Киш. — Ты не только предатель и неудачник — ты еще и самоубийца!

Сиротки, кроме Латерфольта и Шарки, подхватили его смех.

Предплечье Рейнара не просто покрывали шрамы: кожа на нем была стянута так, словно мясо кромсали, а затем наскоро и грубо сшили из лоскутов кожи. Уродливые следы позора тянулись от локтей до запястий со всех сторон. Правая рука тоже была искалечена, но чуть меньше: видимо, Рейнар начал с левой, а на правую ему не хватило сил.

Хроуст опустил руку Рейнара. Тот принялся прикрывать шрамы тем, что осталось от рукавов, и впервые за весь суд в его движениях проявилась нервозность. Еще бы — самоубийца... Пожалуй, даже грехи уныния и мужеложства не могли сравниться в Бракадии с попыткой покончить с жизнью. Судя по тому, как громко и злобно хохотали военачальники Хроуста, самоубийцу осуждали не только последователи Единого Бога. Не сумев спрятать шрамы в рукавах, Рейнар обхватил себя за бока, словно пытался согреться. В его взгляде вспыхнула волчья злость, похожая на ту, что несколько мгновений назад исказила до неузнаваемости лицо Латерфольта.

— Довольно!

Слово Хроуста оборвало хохот. Гетман не вернулся к креслу, но остался стоять перед Рейнаром, не сводя с него взгляд единственного глаза.

— Я повидал на своем веку множество странных людей, — начал он со вздохом. — И все же для меня Рейнар из Митровиц — самая большая загадка. — Он выдержал паузу, чтобы все присутствующие успели настроиться на серьезный тон. — Ты самый верный человек короля, все это знают. Но не многие знают, что поводов ненавидеть Редриха у тебя еще больше, чем у нас. Никто из вас, — он обернулся к Сироткам, — не задумывался, почему мы никогда не совершали набегов на Митровицы — эту горную область на северо-западе Бракадии?

Военачальники выглядели растерянными. Один Латерфольт и бровью не повел. Шарка внимательно слушала каждое слово Хроуста, чтобы не вышло как с Моррой, когда она пропустила мимо ушей самое важное.

— Митровицы, — продолжал Хроуст, — знамениты не только своими богатствами. Многие уже забыли, но я не забыл: еще сто лет назад Бракадией владели короли именно из этого рода. Они правили славно и достойно: первыми собрали страну воедино и первыми начали брать на службу кьенгаров вместо того, чтобы охотиться на них и сжигать на кострах. Так продолжалось несколько веков, пока не умер старый король Арбрехт. Корону унаследовал его сын Хешт, но спустя пару дней после коронации он внезапно и скоропостижно скончался, а его жена забрала детей из Хасгута в Митровицы и поклялась присягнуть на верность двоюродному брату Хешта по материнской линии — Зикмунду Первому, прадеду короля Редриха.

Шарка снова начала путаться в незнакомых именах, хотя Хроуст говорил медленно, словно разжевывая все для нее одной. Сиротки нахмурились и приоткрыли рты.

— Что за чушь я только что услышал, — пробормотал Рейнар себе под нос, но в полном молчании его слова прозвучали достаточно громко, чтобы Хроуст их расслышал.

— Чушь? — усмехнулся Хроуст. — Я не говорил тебе, что ты жуть как похож на своего отца Хладра? Да, я помню всех, и Хладра тоже.

Молчание.

— Мы встречались с ним втайне от всех спустя десять лет после казни Тартина Хойи. Хладр сам рассказал мне эту историю и даже показал свидетельства: дневники твоего прапрадеда Хешта, на последних страницах которых он описывает собственной рукой, как Зикмунд угрожал убить его детей, если он добровольно не

примет яд и не отдаст корону панам Хасгута. Станешь дальше упрячиться, Рейнар? Сделаешь вид, будто отец не рассказывал тебе и братьям этой истории? Печально, но сам Хладр умер вскоре после нашей встречи. Я даже не успел понять его замысел. Думаю, он не хотел трона, но чувствовал, что Редрих — это язва на теле Бракадии. Я лишь успел поклясться ему, что никогда в жизни не подойду к Митровицам с булавой в руке. Свое обещание я держу, как видишь.

— Мой отец любил Редриха и был ему верен всю жизнь. Они выросли бок о бок. Он никогда не настраивал нас против короны. Он взял с короля клятву, что тот присмотрит за нами после его смерти...

— О да! Редрих и присмотрел: послал всех троих сыновей Хладра в самое пекло в битве с Аллурией!

— В той битве нужны были грифоны, чтобы помочь Свортеку. Редрих этого не хотел...

— Он не хотел только одного: чтобы ты вышел оттуда живым.

— Чушь! — Лицо Рейнара сморщилось, словно его прошила боль.

— Ты знал об этой «чуши», пес! — подал вдруг голос Латерфольт. — Ты сам рассказывал мне о ней, когда мы, как наши отцы, встретились ради заговора — того самого, который ты провалил, обоссавшись от страха и погубив моих людей! Но тогда-то ты был так уверен! Тряс передо мной дневниками Хешта! Клялся отомстить за своих чертовых братьев! Ты всегда знал, будь ты проклят!

— Латерфольт, — угрожающе процедил Хроуст.

Сиротки нервно перешептывались. Шарка вдруг осознала, что, силясь все понять и запомнить, забыла дышать — или это голова кружилась от услышанного?

— Ответь мне, сын Хладра, — продолжил Хроуст, дав Сироткам вдоволь нашептаться, — почему бы тебе не взять то, что принадлежит тебе по праву?

Рейнар долго не отвечал, словно рассчитывал, что Хроуст забудет о вопросе и оставит его в покое. Но гетман упрямо ждал, не шелохнувшись. Замерли и Сиротки, и даже Латерфольт. Наконец рот герцога перекосила ухмылка:

— Да потому, что народу плевать, кто король: я, Редрих, маленькая ведьма или ты! Для него не изменится ровным счетом ничего. Он, народ, уже давно забыл, из-за чего грызетесь вы с Редрихом или Редрих с Митровицами. А лично мне корона и даром не нужна! Я провел с Редрихом достаточно времени, чтобы увидеть, что она делает с людьми. Такой судьбы я не пожелаю даже тебе, старик. Кроме того... я понимаю, к чему ты ведешь. Ты хочешь предложить мне вместе свергнуть Редриха и думаешь, что я от счастья затанцую на задних лапках, как болонка.

— Древние рода Бракадии пойдут за тобой. Для них кровь — это все...

— Никто никогда и никуда за мной не пойдет! Я самоубийца. Я еретик. Я предатель. Я торчок. При дворе считают, что я сплю со своим оруженосцем. Армия думает, что я убил их генерала. Я не смог даже подарить детей своей жене, и наш брак был расторгнут. — Рейнар расхохотался: — Ты смешон, Ян Хроуст, в своей жажде мести и власти!

— Да как ты смеешь! — закричал Латерфольт и, уже не в силах сдерживаться, бросился к Рейнару. Кирш и Петлич схватили его за плечи, но Латерфольт сбросил их с себя и стал наступать на герцога: — Смешно? Это ты смешон и жалок, шваль! Дело даже не в короне, а в чести! Редрих отнял у тебя все: убил твоих братьев, забрал твоих грифонов, украл даже герб твоего рода, оставив тебе собаку! Собака ты и есть, и неудивительно, что Редрих вытирает о тебя ноги!

Егермейстер оказался рядом с герцогом. Оружия при Латерфольте не было, но, кажется, он готов был убить

Рейнара голыми руками: пальцы скрючились, как вороны когти, и только молчание Хроуста останавливало его. Шарка вдруг заметила глаза Своры за железным креслом. Она их не звала, точнее, не заметила, как призвала, и уж точно не смогла бы себе ответить, зачем это сделала.

— Убьем его, Ян! — кричал Латерфольт. — Он бесполезен! Добудем все, что нам нужно, от других пленников. Я скорее смирюсь с Редрихом, чем присягну такому, как Рейнар!

— Впервые в жизни хинн дело говорит, гетман, — развеселился Рейнар. Но тут же пощечина, такая сильная, что Шарка почти ощутила ее на собственной щеке, заставила его замолчать.

— Заткнись, Латерфольт! — Терпение Хроуста закончилось. — Не тебе отдавать приказы! Не тебе, который все эти дни только и дела, что хныкал, как дитя, когда я в нем нуждался! Шарка!

Она вздрогнула, словно забыла о собственном существовании. Теперь на нее смотрели все: и дрожащий от ненависти и обиды Латерфольт, и Рейнар с разбитыми, но все еще ухмыляющимися губами, и Хроуст, который от гнева словно вырос, как великан, и ничего не понимающие Сиротки. Шарка обнаружила, что уже давно стоит на ногах, а вокруг нее уплотняются демоны.

— Шарка! — повторил Хроуст и сделал шаг в сторону, чтобы не загоразивать пленника. — Убей герцога Рейнара!

— Что?

Он не повторил приказ, но по одному его виду она поняла, что ей не почудилось. Шарка мотнула головой, словно пытаясь сбросить с себя взгляд болотного цвета глаз Рейнара и взгляд Латерфольта, который впервые за пять дней смотрел на нее, а не сквозь нее.

Разве Хроуст не обещал, что больше ничего не попросит?

Латерфольт в два прыжка оказался прямо перед Шаркой и схватил ее за плечи:

— Давай, Шарка! Это суд, и он велит тебе казнить этого человека! Делай же!

Она слабо попыталась вырваться из его хватки, но руки, которые совсем недавно ласкали и оберегали ее, впивались все сильнее. Хроуст вмешался и разнял Латерфольта и Шарку, как отец дерущихся детей. Герцог в ошейнике снова рассмеялся неприятным сухим смехом...

Она вышла из-за спины Хроуста и встала напротив Рейнара. Тот умолк, но ухмылка так и не сошла с окровавленного рта. На мгновение она вдруг увидела лицо молодого Рейнара — того прекрасного длинноволосого вельможи с высокомерным прищуром из сна Свортека. Демоны стеклись к железному креслу, и в следующую миг оно утонуло в многорукой, многоголовой, бурлящей тьме. В ее копошении пропали очертания человека. Черный водоворот вилял и вилял вокруг пленника...

А затем замер и опять превратился в стаю демонов, припавших на передние лапы, как псы перед хозяином. Рейнар проступил из тьмы, бледный и испуганный, но живой и невредимый. Свора пожирала его взглядами жемчужных глаз, но ни одна лапа, ни одна пасть так и не коснулись герцога.

— Вот почему мы не убьем тебя, — произнес Хроуст, спокойный, как фокусник, который только что показал несложный трюк. — Может быть, ты сам уже давно сдался. Но у Свортека были на тебя планы, раз он передал тебе часть Дара.

— Свортек ничего мне не передавал, — выдохнул Рейнар. — Клянусь!

— Твои клятвы яйца выеденного не стоят, — выпалил Латерфольт.

— Выведите Рейнара, — распорядился Хроуст, не дожидаясь очередной перепалки. — Дайте ему новую рубашку. Никаких больше цепей и ошейников. Мы с вами увидимся на второй части суда, ваше величество.

Конвоиры отстегнули Рейнара от кресла и вывели из зала. Следом вышли, получив одобрение Хроуста, Сиротки, перешептываясь на ходу. Гетман уселся обратно на свой стул: старые ноги устали от долгого стояния. Латерфольт не спешил покидать зал, как и Шарка, которая вообще слабо представляла себе, что делать без их приказов.

— «Ваше величество»? — переспросил Латерфольт, едва двери за Сиротками захлопнулись. — Неужели это не сон, Ян? Ты правда хочешь сделать его королем?

— К нам сейчас стягиваются все, кого правление Редриха оставило ни с чем, — устало ответил Хроуст, вытирая пот из-под повязки на глазу. — Но это в основном крестьяне, отщепенцы и бывшие рабы. Нам нужны могущественные союзники. Редрих уже собирает силы...

— Рейнар однажды обманул меня ради короля, хотя в те времена еще не был таким жалким ублюдком и хотел мести! Что помешает ему обмануть тебя сейчас?

— Если Митровицы перейдут на нашу сторону, Редриху конец.

— Я всегда видел королем тебя, Ян Хроуст! Ты — Король Обездоленных... Нет, к черту королей! Ты, наверное, забыл, почему нас назвали Сиротками, когда ты якобы пал. А теперь ты готов отдать трон человеку, которого Редрих зовет своим сынком!

— Латерфольт.

Уже который раз за день имя Латерфольта было произнесено так, что тот послушно замолк.

— Даже если мы отдадим корону Рейнару после того, как свергнем Редриха, вечно он носить ее не сможет, — тихо произнес Хроуст. — И пусть Даром его не убить, он останется сломленным, слабым калекой.

Латерфольт угрюмо промолчал. Кажется, замысел гетмана ему не понравился, но он не нашел возражений. Кинув короткий взгляд Шарке, он протянул было ей руку, но тут же резко отдернул ее и выбежал из зала.

Вторая часть суда состоялась на площади, где пять дней назад Шарка и Рейнар сошлись в схватке. До сих пор Шарка старалась обходить это место стороной, боясь, что оно снова вернет ее к тем событиям. Но сейчас здесь была тьма народу, а на краю площади выстроили деревянный помост — и ей в голову вдруг пришло другое воспоминание. Она как будто перенеслась в тот день, с которого все началось: день весенней ярмарки в Тхоршице, которую она разнесла, не оставив камня на камне. Удивительно, как давно она не вспоминала, как разорвала на мелкие кусочки Пригожу и как умоляла капитана конной полиции отпустить ее с миром, еще не зная, чем обернется его отказ...

В толпе она вдруг увидела Дэйна в сопровождении Тарры. Раньше оба оставались в Таворе — Латерфольт слишком дорожил своим советником, чтобы пустить его на битву, — но теперь вместе с остальным войском Хроуста приехали в Козий Град. Статный и гордый Дэйн уже был совсем не похож на прежнего тощего заморыша, да и сама она, в новом зеленом платье, под руку с героем непокоренной Бракадии, слабо напоминала испуганную шлюху... Но пусть ей снова бросали под ноги цветы и выкрикивали ее имя, как боевой

клич, гордости и счастья Шарка больше не испытывала.

Дэйн взошел на помост вслед за Хроустом и сестрой, и его первый поклон и приветствие были адресованы, конечно, гетману. Для него даже приготовили отдельное низкое кресло слева от Хроуста, чтобы мальчику было удобнее в него забраться. Позади расселись шестеро военачальников, а чуть поодаль в передней части помоста пустовало еще одно кресло — наверное, для Латерфольта, которого Шарка так и не нашла глазами в толпе.

Люди столпились по краям площади, чтобы оставить ее центр и противоположную помосту часть незанятой. Там располагалась небольшая терраса с колоннами. Когда народ застыл и умолк, конвой вывел группу людей и привязал их к колоннам. Восьмеро пленных изнывали на солнце, израненные и избитые, ожидая своей участи. На грудь каждому нацепили знамя — но не черного грифона Бракадии, а герб панов Хасгута, изображающий меч и корону.

Снова казнь, мрачно думала Шарка, вжимаясь в кресло, пока народ взывал к ней и к Хроусту. Правда, на сей раз она не палач, а свидетель — но облегчения эта мысль не приносила. Шарку даже удивило, когда ей сообщили, что в казни она участвовать не будет: ей казалось, что теперь Хроуст начнет использовать Дар при каждом удобном случае. Но, кажется, гетман был намерен сдержать данное ей слово.

Восьмеро стрелков, вооруженных луками, вышли на площадь и выстроились у помоста, глядя на Хроуста. Среди них были командир стрелков Петлич и Латерфольт. Егермейстер надел хиннский плащ, расшитый узорами его народа, тот самый, в котором привел Хроуста в Тавор. Тот самый, по которому так небрежно прошел к Шарке, стгорая от желания и нежности... Сейчас

его взгляд был холоден и резок и не потеплел, когда скользнул по Шарке.

А затем на помост вывели последнего гостя, и Латерфольт скривился, даже не пытаясь скрыть презрение. Рейнара нарядили в легкий доспех грифоньего всадника, смыли с него кровь и подстригли бороду. Особой величавости ему это не придало, хотя герцог сохранял невозмутимый вид, словно все происходящее его никак не касалось. Он занял свое место, и Шарка услышала, как тихо звякнули цепи, хотя с ее места трудно было рассмотреть, как именно его приковали к креслу.

Хроуст поднялся и указал булавой-кулаком на пленных:

— Вы — верные люди своего короля, — сказал он, пребывая громовым голосом шепотки и шум. — Я предлагал вам мир под своим стягом, но вы его не приняли. Поэтому теперь все, что я могу вам дать, — это достойная смерть.

Он отдал честь сердцем стрелкам; те вынули из колчанов стрелы и положили на тетивы.

— Рейнар, — тихо позвал Хроуст. Герцог покосился на него, не повернув головы. — Ты все еще можешь спасти своих людей. Не сегодня, так завтра.

Рейнар молчал.

Латерфольт первым натянул свой лук, еще ни в кого не целясь, но не отводя взгляда от Хроуста. С такого расстояния ему, должно быть, не было слышно, что сказал гетман герцогу, но его лицо снова исказилось оскалом, обнажив крепкие зубы. Лук взлетел в воздух, и стрела затрепетала на тетиве, целясь прямо в голову Рейнару. По толпе прошел судорожный вздох. Хроуст снова вскочил, у Шарки перехватило дыхание... Но в следующий миг Латерфольт резко развернулся, и стрела, выпущенная со всей силы, вонзилась в череп пленному у центральной колонны.